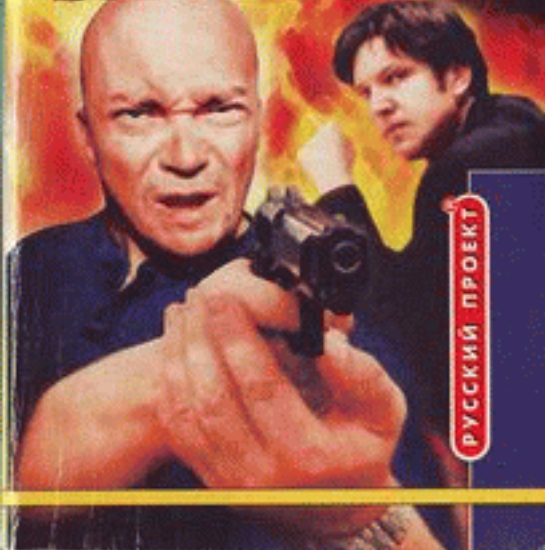

КОРТ
ДАВИЦЕВ
ЗАКАЗУХА

РУССКИЙ ПРОЕКТ

Олег Дудинцев
За базар ответим
Серия «Заказуха», книга 2

*OCR: Олег-FIXX (fixx10x@yandex.ru)
Заказуха: Нева, Олма-Пресс; СПб, Москва; 2001
ISBN 5-7654-1893-7, 5-224-02976-7*

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	19
ГЛАВА 3	33
ГЛАВА 4	46
ГЛАВА 5	62
ГЛАВА 6	80
ГЛАВА 7	97
ГЛАВА 8	113
ГЛАВА 9	131
ГЛАВА 10	148

Олег Дудинцев

За базар ответим

*Все по уму, но лажа все же
вышла...*

Из песни

ГЛАВА 1

Недалеко от ворот одного из городских рынков культурной столицы России, как величают Петербург, стояли три иномарки. Две из них – БМВ и «вольво» – были пусты, а в третьей, черного цвета «мерседесе», томился на заднем сиденье с газетой в руках спортивного вида мужчина лет тридцати. Длинный, свободного покроя плащ стального цвета, белоснежная рубашка и строгий галстук добавляли ему респектабельности, и прохожие без особых раздумий причисляли пассажира «мерса» к «новым русским» – породе людей, берушей начало от вымершей в силу постоянного недоедания общности «советский народ».

Именно интересы «новорусского» бизнеса и пригнали сюда Замполита в это последнее воскресенье сентября. Подошло время ежемесячного сбора налогов. Рынок же являлся наиболее внушительным ис-

точником поступления денег в бандитский общак, и лидер «рыльской» преступной группировки, контролировавшей добрую половину района, лично руководил этим непростым, а иногда и неуправляемым процессом. С остальных, менее значимых объектов, подмятых под себя «рыльскими», дань взималась братвой без его участия, и вмешательство авторитета требовалось лишь в исключительных случаях.

Надо сказать, что к такому могуществу Замполит, а по паспорту Антон Борисович Пискарев, тридцати двух лет от роду, пробивался через тяготы бандитской службы не один год.

Четырнадцать лет назад он приехал сюда из Рыльска, небольшого городка в Курской области, и после успешной сдачи медицинских анализов и экзаменов был зачислен в политическое училище МВД, где готовились в те времена первоклассные специалисты для внутренних войск и конвойников.

Но так уж легла карта, что период освоения Антошей трех составных частей марксизма совпал с первыми годами перестройки, и потому рейтинг армейских идеологов быстро скатился до отрицательных величин. А тут еще с легкой руки последнего генсека у многочисленных наций и народностей, составлявших некогда нерушимый Союз, обострилось чувство собственного достоинства, что незамедлительно привело к увеличению на карте количества «горячих точек» и

вовлекло в политическую жизнь государства до той поры мирно дремавшие внутренние войска.

И хотя был Антоша от природы парнем отчаянным, но только лишь за звездочки на погонах и офицерское жалованье не намерен был принимать участие в урегулировании национальных конфликтов и рисковать своей, как ему казалось, непустой головой. Накануне летней сессии за третий курс он вернул казенное имущество и добровольно покинул училище, благо проведенные в нем годы пошли ему в зачет срочной армейской службы.

Лишившись курсантской пайки, Антоша стал искать достойное применение своим талантам и врожденной физической силе, обитая в тот период безденежья у знакомой девчонки в студенческом общежитии.

Там и свела его судьба с неоднократно судимым Купцом и его пацанами, успешно добывавшими себе с помощью кулаков и кастетов средства для довольно-таки безбедного существования. А возможности для этого в стране открывались поистине сказочные.

Уже не требовалось по примеру незабвенного Остапа Бендера колесить по городам в поисках подпольного миллионера, совершать интеллектуальные усилия для изъятия у того глубоко припрятанной заначки и при всем при том чтить Уголовный кодекс.

В эпоху зарождения рыночных отношений нувориши произрастали словно грибы после теплого дождика, и

оставалось только, опередив конкурентов, подскочить к нему с ножиком, срезать под корешок и аккуратненько уложить в корзину.

Антоше стоило всего лишь несколько раз гульнуть с новыми приятелями в баре, открытом в общега бывшими выпускниками института, да принять участие в стихийно возникшем там побоище, во время которого он с одного удара выбил челюсть рослому пятикурснику, чтобы Купец разглядел в нем перспективного для своей команды новобранца. На следующий день после потасовки он провел с Антошей переговоры, и тот не долго думая вступил в братство, получив в награду за полученные в училище общественно-политические знания «погоняло» Замполит.

С этого момента начались для него бандитские будни с изнурительными занятиями в спортивно-оздоровительном комплексе, многочисленными «стрелками» и «терками» с конкурентами, нередко заканчивавшимися мордобоем, а то стрельбой и взрывами.

В первые годы службы у Купца все это доставляло ему удовольствие, потому как было гораздо увлекательнее скучных лекций по тактике боя и полевых учений, разгоняло кровь в жилах и, что самое главное, приносило шальные деньги.

Уже через несколько месяцев после вступления в братство Антоша снял себе жилплощадь и навсегда выбросил из головы недоучившуюся студенточку. А

спустя год приобрел однокомнатную квартиру и подержанную «девятку», оформленную на него несостоявшимся бизнесменом, после того как бизнесмена свозили для разговора в близлежащую рощицу.

Так в жесточайшей борьбе за материальные ценности летели годы, а в пламени этой непрекращающейся войны сгорали многие испытанные товарищи: некоторых из них доставала пуля конкурентов, кто-то «садился на иглу», а большинство отлучала от активной жизни милиция. Им на смену приходила быстро взрослеющая молодежь.

Подобная печальная участь не обошла стороной и самого Замполита, когда пять лет назад стараниями оперов уголовного розыска он попал в камеру «Крестов» по обвинению в вымогательстве. Однако он не сломался и выстоял. Руководствуясь вбитыми ему в голову понятиями, Замполит отвергал претензии следствия, не гнулся перед ментами и сокамерниками и никого из своих не сдал, за что и получал регулярно с воли по приказу Купца жратву и курево:

А через семь месяцев потерпевший и свидетели отказались от своих прежних показаний, что явилось неожиданностью для суда, который вынужден был оправдать гражданина Пискарева и освободить его из-под стражи. На многолюдном банкете в тот же вечер Купец расцеловал бывшего арестанта, ввел его в ранг «бригадира» и премировал путевкой на Канары.

Проведенные в тюрьме месяцы не только подняли его авторитет в глазах братвы и обогатили Замполита новыми знаниями, но и сделали его еще более жестким и расчетливым. Нельзя сказать, что он сразу стал вровень с Купцом, но уж во всяком случае не чувствовал себя перед ним прежним «жертвенным быком», держался вполне независимо, и тот был вынужден с этим считаться. Со временем их отношения становились все более натянутыми, и Купец был уже не рад, что вскормил себе конкурента.

Однажды дело дошло до открытого конфликта, и Купец пообещал отстрелить башку своему протезе, не желавшему придерживаться субординации. Но через три недели после их столкновения Купец бесследно исчез, и среди братвы поползли всевозможные слухи и домыслы с упоминанием Замполита. Тем не менее раскручивать до конца секрет этого иллюзиона никто не решился, и вскоре Антон Борисович Пискарев встал во главе группировки и руководил ею в течение последних трех лет.

Вот и сейчас, развалившись на сиденье «мерса», он контролировал поступление денежных средств в доходную часть «рыльского» бюджета, поскольку без его пополнения было немыслимо держать в узде свое разношерстное воинство.

Постепенно со стороны рынка к флагманскому автомобилю стали стягиваться сборщики дани, и Замполит,

оторвавшись от чтения, принялся укладывать в «дипломат» собранные ими ценности.

Бывший кладбищенский работник по кличке Крест подвел к нему насмерть перепуганного пенсионера, сжимавшего в руках корзину с укропом и петрушкой.

– Платить, падла, не желает, – с раздражением произнес Крест и ухватил пенсионера за отворот куртки. – Я, говорит, первый раз.

С неохотой оторвавшийся от инкассации авторитет оценивающе глянул на нарушителя и с укоризной произнес:

– Папаша, как не совестно от налогов уклоняться. Ты, видно, телевизор не смотришь? Заплати и торгуй спокойно. Никто тебя не тронет. А так сегодня одного простишь, завтра другого, а послезавтра не на что будет газету купить. – Замполит зашелестел страницами перед лицом безмолвствующего огородника. – На первый раз мы с тебя натурой взыщем. Брось-ка его травку в багажник, – приказал он Кресту, который, ухмыльнувшись, вырвал корзину из рук уже не пытавшегося оспорить принятое судебное решение пенсионера и подтолкнул того в спину, задавая нужное направление.

Прием денежных платежей уже близился к завершению, когда к Замполиту, с наслаждением поедавшему сочный персик, подошел Эльдар – старший среди торгующих на рынке азербайджанцев.

– Здравствуй, дарагой. Рад тэбя выдэць, – с подобострастной улыбкой приветствовал он «рыльского» авторитета.

«Ишь какой вежливый стал, после того как троих завалили да ларьки к едрене-фене пожгли. А раньше вместе с земляками грозился нас на части порвать», – вспомнил Замполит этнические разборки годичной давности и снисходительно кивнул.

– Зампалыт, маи просат, чтоб ты лавэ снызил. Сам знаешь какие у нас врэмэна, – продолжил Эльдар, сделавший вид, что не заметил столь явного пренебрежения. – Зэмлякы дэнги трэбуют. «Мы, – гаварят, – бэдствуэм, а вы там баксы шэнкуйтэ».

Однако его слова не нашли у «рыльско-го» лидера понимания.

– Нэт, дарагой. Так дэло нэ пайдот, – нарочито передразнивая Эльдара, откликнулся он на просьбу. – Это ваши суверенные заморочки, сами хотели. А нам чужого не надо, но и свою грядку никому не уступим. Так землякам и передай, – отрезал он и бросил косточку от персика под ноги парламентаря. – Я, в крайнем случае, армян вместо вас пущу торговать. Митинговать или объявлять голодовку не советую. Загасим. Всего доброго, генацвале.

Оскорбленный такой концовкой Эльдар еще не успел открыть рот для благодарственного слова, как Замполит хлопнул дверцей перед его носом, увидев в

зеркало заднего вида подруливающий к рынку автобус, набитый милицией.

– Газуй! Менты! – крикнул он сидящему за «баранкой» Тормозу, и «мерседес» рванулся с места. Тут же и остальные «рыльцы», заметив маневр флагмана, прыгали в машины и последовали его примеру.

Проскочив несколько кварталов, Замполит приказал остановиться, вышел из автомобиля и нервно закурил.

– Тайсона сюда! – заорал он, едва увидев припарковавшуюся сзади братву, и через несколько секунд начальник контрразведки, получивший свою кликуху за необузданный нрав и страсть к кулачным боям, предстал перед взбешенным авторитетом.

– Это как понимать?! Забыл, что у меня ствол под задницей?! – набросился на него Замполит. – Еще бы немного, и п...дец!

– Не знаю, откуда они нарисовались, – стал оправдываться искушенный в вопросах безопасности Тайсон, имевший, несмотря на свои двадцать шесть, три лагерные «ходки», но Замполит не успокаивался:

– Я твоему подполковнику за что плачу? Чтобы у всех на глазах от ментов бегать? Так скоро и уважать перестанут.

– К вечеру разберусь, – заверил его после разноса Тайсон. – Раньше, сам знаешь, не подводил, всегда вовремя отзванивался.

– Ты его предупреди, еще раз проколется, мы его

сдадим к чертовой матери.

– Погоди, Замполит, не горячись, – зная крутизну своего лидера, попытался успокоить его Тайсон, не хотевший терять в райуправлении своего человека, но того понесло:

– Не горячись, не горячись! Достали уже, козлы, своими шмонами, видать, на большее мозгов не хватает! Меня бы к ним начальником, я бы им быстро дело нашел!

– Это они на понт нас берут, запугать пытаются, – улыбнулся Тайсон.

– Пускай пацанов да старух с семечками пугают, – огрызнулся авторитет.

Сбросив пар, Замполит определил время сходимки, передал Тайсону спрятанный под сиденьем автомобиля «тэтэшник» и укатил обедать...

Поздно вечером девять человек, руководящее ядро «рыльцев», съехались в оздоровительный центр на военный совет.

Располагался сей профилакторий на удаленном от милицейских патрулей Канонерском острове в обветшалом двухэтажном строении, на покосившейся двери которого была прибитая ржавая табличка с малопривлекательным названием «Баня № 21».

В урочное время местный центр досуга использовался «островитянами», большинство из которых вкалывали в порту и цехах судоремонтного завода, как об-

щедоступное помывочно-увеселительное заведение, где за небольшую плату любители крепкого пара и крепленых напитков могли отмокнуть после тяжелой трудовой недели и вновь обрести утраченное ими здоровье.

Никому из посетителей и в голову не приходило, что на первом этаже за пуленепробиваемой дверью с надписью «Служебное помещение» скрыт от любопытных глаз пятизвездочный штаб «рыльских», оборудованный на пожертвования мелкорозничных торговцев. Знали о его существовании и допускались сюда лишь избранные. Автомшины, чтобы не привлекать лишнее внимание, оставляли поодаль от бани на платной стоянке.

Здесь под негромкую музыку разрабатывалась тактика борьбы группировки, здесь же скрывался коллективный разум организации и во время проводимых милицией силовых профилактических операций.

Лишь однажды здешний покой был нарушен предсмертным криком банщика, которого мнительный Тайсон заподозрил в стукачестве и, переусердствовав во время дознания, притопил в бассейне. Пришлось в срочном порядке грузить труп в багажник, под покровом ночи везти его за город и предавать земле, зато исчезновение коллеги послужило наглядным уроком для оставшегося в живых персонала, щедро подкармливаемого Замполитом.

Предварительно разогрев в жарко натопленной сауне, созванная Замполитом элита расположилась на кожаных диванах в салоне для отдыха, красуясь друг перед другом литой мускулатурой и многочисленными татуировками.

Замполит по-рабочему открыл «дипломат», вывалил на стол собранные на рынке деньги и сосредоточился на подсчете наличности, в то время как остальные, посасывая баночное пиво, тихо обсуждали события дня.

Закончив кассовые операции, «рыльский» авторитет раскидал банкноты по кучкам и вручил каждому причитающуюся тому долю.

– С братвой сами рассчитаетесь, – объяснил он и переключил внимание на Тайсона: – Выяснил?

– Главковские по последнему убийству депутата шустрили. Район об этом не знал, – прояснил тот ситуацию с неожиданным появлением милиции.

– Они что же, на рынке заказчиков искали? – усмехнулся Замполит.

– Замминистра прикатил и всех их поставил на уши. Вот они и мечутся, видимость создают. Тому ведь тоже докладывать надо.

– Из-за этих отмороженных политиков спокойно бизнесом не заняться, – вскипел Замполит. – То валят друг друга без разбора, то компрой забрасывают, а нас по каждому случаю дергают. Беспредельщики, – с осу-

ждением произнес он, и все присутствующие согласились.

– А замминистра этого я знаю, лекции нам читал, – вспомнил Замполит курсантские годы. – Это он после моего дембеля в депутаты подался, а потом и в авторитеты выбился.

После такого признания о близости к замминистру внутренних дел собравшиеся «рыльцы» взглянули на своего лидера с еще большим уважением, а слегка разбиравшийся в политике Швед похвалил бывшего преподавателя:

– Молоток. Все дальновидные люди в депутаты прут. Представляете, какая «крыша».

Еще в те времена, когда законопослушным гражданам не рекомендовалось контактировать с западными туристами, приезжавшими в большинстве своем из соседней Скандинавии, Костя Ивлев, по прозвищу Швед, как следовало из милицейского протокола, назойливо к ним приставал, а попросту «бомбил», пытаясь обменять на значки с изображением товарища Ленина и юбилейные рубли жвачку и диковинные порножурналы. За подобное аморальное поведение Костю выставили из комсомола, а вместе с этим и с четвертого курса торгового техникума. После этого жизнь его покатила по наклонной, и он, сменив множество профессий: от сутенера в гостинице до администратора бара, – несколько лет назад приблизился к «рыльским»

и считался наиболее образованным после Замполита человеком.

– Вот бы, в натуре, Замполита в депутаты протаскать, мы бы тогда на всех ментов болт положили. Ни один бы не посмел прикоснуться, – продолжил свои мечтания Швед. – Кстати, в Думе много наших сидит, а уж по городам и не счесть. А мы, в натуре, глупее их, что ли?

– У нас зелени не хватает, – остудил его Замполит. – Там сумасшедшие бабки требуются. Нам не потянуть.

– А если в какие-нибудь городские? – не отступался Швед и принялся расписывать братве прелести депутатской жизни.

Замполит приумолк, и по его сосредоточенному виду чувствовалось, что слова Шведа, особенно в свете последних событий, задели его за живое.

– Когда ближайšie выборы? – после некоторых раздумий спросил он у приближенных, но по тому, как молча склонились над столом их стриженные затылки, стало ясно, что политика не входит в круг их интересов. Так и не добившись от коллективного разума группировки вразумительного ответа, Замполит поднялся с дивана, скинул с себя простыню и, пригладив шевелюру, отправился в сауну.

Когда же минут через двадцать он вернулся на место, заметно оживившаяся в его отсутствие братва заколготила.

– Я тут по мобильнику с одной телкой связался, – принялся докладывать Швед. – У нее дед в политике сечет. Он нам растолковал...

Как можно было понять из его вольного пересказа, до городских выборов было еще далеко, но зато вскоре горожанам предстояло сформировать органы местного самоуправления.

– То-то я смотрю, все стены какими-то рожками увешаны, – не выдержал и поделился своими наблюдениями Тайсон. – Я думал, менты кого-то ищут.

– Погоди, не баклань, – оборвал его Замполит. – Что это за местное самоуправление? – с интересом спросил он у Шведа, но тот, при всей своей образованности, ничего добавить не смог.

Первоначально казавшаяся несостоятельной мечта о депутатских мандатах приобрела слегка реальные очертания, и Замполит принялся просчитывать варианты.

– Пусть завтра твой человечек все подробно разузнает, тогда и определимся, – приказал он Тайсону и закрыл повестку дня.

ГЛАВА 2

Тем временем, пока ведомые Замполитом «рыльские» осваивали политграмоту, в городе вовсю набирала обороты предвыборная карусель, и тысячи «бескорыстных» соискателей депутатских мандатов замельтешили, перед своими потенциальными избирателями.

На левом фланге этой не лишенной жизненной позиции армии кандидатов обосновались пенсионеры, еще помнившие танцы под патефон и дворовые волейбольные площадки времен своей молодости и гневно брызжащие слюной при виде скопища соседских автомобилей и загаженных родовитыми догами газонов.

Огромное количество нерастраченного свободного времени, позволявшее «левым» обивать пороги начальственных кабинетов и без пользы бомбардировать жалобами чиновников, являлось их главным оружием в предстоящей борьбе. Консолидированные на лавочках, они стремились к реваншу и прежней дворовой благоустроенности.

Правый фланг атаки на избирателей был оккупирован сторонниками новых экономических отношений в лице хозяев ненавистных для «левых» торговых ларьков и частных фирмочек, рассчитывавших посред-

ством депутатства продвинуть свой бизнес и приумножить накопленные богатства. В отличие от пенсионеров, лишенных твердой финансовой опоры, за «правыми» стоял капитал.

Самыми разночинными по составу были представители «центра», обремененные наказами собственного электората, жаждущего, скажем, залатать протекающую крышу поликлиники или же вырвать из рук государства невыплаченную зарплату. Именно бюджетники и им сочувствующие являлись ядром этого самого многострадального кандидатского сообщества.

Неисповедимыми путями просочилась в предвыборные списки и небольшая кучка идеалистов, свято веривших, что местное самоуправление даже при полном отсутствии средств может преобразить облик отдельно взятого микрорайона. Стоит только очень этого захотеть. Последние лишь мешали своим более здравомыслящим противникам и вносили смятение в умы избирателей, уже имевших за плечами некоторый опыт парламентаризма.

* * *

На следующий день получивший ответственное задание Тайсон встретился в укромном месте со своим человеком, отвечавшим в местном РУВД за мате-

риально-техническое снабжение, и тот посвятил его в секреты самоуправления и расстановку политических сил. Это позволило Тайсону уже в послеобеденное время, подсев в машину к Замполиту, пересказать ему Тайно полученные сведения.

Как явствовало из доклада, выборы должны были состояться через два месяца в шести районных округах, в каждом из которых требовалось выявить по десять победителей. Однако три дня назад закончилась регистрация кандидатов, и это обстоятельство, по мнению человека Тайсона, являлось для «рыльских» непреодолимым барьером.

– Там еще какие-то подписные листы требуются, – заглянув в блокнот, добавил он.

– Ерунда. Председателю зашлем, – успокоил его Замполит, не желавший, несмотря на бюрократические препоны, отступить от цели. – Лучше прикинь, у нас без судимых и малолеток шестьдесят человек наберется?

После столь каверзного вопроса Тайсон с недоумением посмотрел на лидера и осторожно поинтересовался:

– Хочешь весь район прибрать?

– А фиг ли мелочиться, – подтвердил Замполит. – Зачем нам лишние рты, сами управимся.

Тайсон снова извлек из кармана блокнот и углубился в изучение списочного состава группировки, производя

в уме арифметические действия.

– С верхушкой шестьдесят девять. Еще трое на подписке, и один в федеральном розыске, – через несколько минут огласил он результаты подсчета.

– Всех оформляй, и подписчиков тоже. Пока их на зону не отправили, они все права имеют, – распорядился Замполит. – Вот ты со своими ходками непроходной, – напомнил он Тайсону, но и тот в свою очередь предостерег авторитета.

– Не забудь, что половина наших быков без мата двух слов не свяжут, – заметил Тайсон. – Из них депутаты, что из меня опер.

– А мы им базарить не дадим, – объяснил Замполит. – Раскидай их по округам и в каждый включи по бригадиру. Завтра же всех зарегистрируй, и чтобы через два дня наши фотки на каждом столбе висели. Средств не жалея, все окупится,

Дав последние указания Тайсону и высадив того из машины, Замполит отправился за деньгами на предвыборную кампанию.

Держателем общака группировки являлся вор в законе всероссийского значения по кличке Гетман. Старику было под восемьдесят, и свое оборвавшееся на первой же судимости детство он пролазил по чужим садам и огородам Полтавщины. К счастью для односельчан, на родине он так больше и не появился, занятый всю последующую жизнь отбытием многочислен-

ных наказаний, общее число которых Мыкола Иванович, как требовал величать себя Гетман, и сам точно запомнил.

Приписанность Гетмана к «рыльским» поднимала статус группировки в криминальном мире и, главное, исключала вероятность исчезновения общака, поскольку старик по причине немощности уже несколько лет не покидал жилище. Зато каждый Божий день кто-то из «рыльской» молодежи дежурил в его двухкомнатной квартире: ходил за продуктами, стирал, готовил пищу и выгуливал двух королевских пуделей.

Все было бы замечательно, если бы не сильный старческий склероз, мучивший Мыколу Ивановича, который до последней запятой помнил свои ранние приговоры и в то же время нередко оставался без завтрака, не найдя припрятанную с вечера вставную челюсть.

После условного звонка в дверь дежуривший братан, с виду напоминавший пэтэушника, впустил Замполита и отчитался о проделанной за день работе. Сам же Гетман, одетый в атласный спортивный костюм цвета морской волны, храпел под пледом, раскинувшись на широченной кровати в обнимку с неразлучными пуделями.

– Третий раз заставляет вслух перечитывать, – шепотом пожаловался Замполиту вахтенный и указал глазами на лежащую на прикроватном столике книжку «Бандитская хроника Петербурга». – Обижается, что

его фотку не поместили.

Замполит тут же взял книгу, перелистал страницы и, обнаружив свою фотографию, снятую в зале суда, успокоился и вернул ее на прежнее место.

Растормошив Мыколу Ивановича, он словно ребенка растолковал всенародно известному «законнику» цель своего появления.

– Верно! – неожиданно громко гаркнул Гетман, глядя на Замполита выцветшими глазами. – Масть надо держать! Она кусок дает и свободу!

– Власть, – подредактировал его мысль Замполит.

– Я и гутарю, що власть, – перейдя на родной полтавский подтвердил тот. – Мы в конце сороковых по всем зонам держали, пока Берия – враг народа – на нас сук лагерных не натравил. Ох и резня началась.

Тут глаза старика по-молодецки засветились, и Замполит почувствовал, что впереди его ожидают долгие и утомительные воспоминания.

Прервав казначея на полуслове, он тактично напомнил ему про деньги, но, как оказалось, добраться до них было не так-то просто. Лишь обследовав всю квартиру, ключ от вмурованного в стену объемистого сейфа в конце концов обнаружили на кухне в банке с цейлонским чаем, которым по многолетней лагерной привычке баловался Гетман.

Замполит набил долларами позаимствованную у хозяина коробку из-под зимних сапог, перевязан ее шпа-

гатом и, оставив Мыколу Ивановича со своими воспоминаниями, сорвался на одну из снимаемых им квартир...

* * *

Несмотря на возникшие сложности, уже на следующий день усилиями Тайсона самые достойные из «крыльцев» были зарегистрированы в качестве кандидатов. Эта неизбежная в подобных случаях процедура изрядно расстроила нервную систему контрразведчика и валютные запасы группировки, поскольку председатель райизбиркома оказался на редкость осторожным и привередливым человеком.

При первом появлении Тайсона в его кабинете, расположенном в одном здании с местной администрацией и РУВД, этот походивший на военного отставника седовласый мужчина по фамилии Вострецов принялся изучать его татуированные руки, перебитый нос и огромный золотой крест, покоившийся на широченной груди в зарослях густой растительности. Когда же столь живописный посетитель вытащил из кармана мятый список выдвинутых и изложил цель визита, и вообще обескуражил Тайсона своим поведением.

Не обратив никакого внимания на предложенный гонорар и сославшись на истечение сроков регистрации,

председатель похвалил «рыльских» за заботу о районе и вежливо ему отказал.

От Подобной наглости не привыкший к отказам Тайсон задохнулся, а когда удушье ослабло, начал психовать, «гнуть пальцы» и по укоренившейся традиции стращать отставника взрывами и пожарами. Однако Вострецов под бандитским натиском устоял и пригрозил окликнуть дежурившего на этаже милиционера.

Предупреждение вернуло Тайсону сознание, он понял, что переборщил и в случае вмешательства милиции завалит четко продуманную операцию. Взяв себя в руки, Тайсон быстро отступился от председателя, выскочил на улицу и связался по радиотелефону с подполковником, вызвав его на экстренную встречу в расположенный поблизости парк.

Спустя несколько минут в накинутом поверх милицейской формы пальто тот явился в условленное место и выслушал раздосадованного неудачей контрразведчика.

– Что с ним прикажешь делать? Валить? – выговорившись, спросил Тайсон, но вместо ответа подполковник испуганно замахал руками.

– Подожди меня здесь, – попросил он. – Попробую уладить.

Оставив Тайсона дышать воздухом, подполковник отправился на переговоры и через полчаса вернулся в парк вместе с несговорчивым председателем, пожал

руки представителя договаривающихся сторон и топливо удалился...

По всей видимости, подполковнику удалось найти слова, резко изменившие настроение председателя, и теперь предметом обсуждения являлась лишь сумма, размером которой тот оценивал степень своей ответственности перед обществом и законом. Немного поторговавшись, они сошлись на семи тысячах долларов, и Тайсон с глубоким сожалением передал их Вострепову вместе со списком.

– Имей в виду, мы тебя с завтрашнего дня на счетчик ставим. За каждый день просрочки – десять процентов, – окончательно раскрепостившись, предупредил его контрразведчик, еще хранивший обиду за недавнее унижение.

– Ну что вы. Сегодня же задним числом все оформим. А подписные листы через паспортные столы сделаем, – заверил его Вострецов, и, вконец расщедрившись, предложил за двести баксов полный список кандидатов. – Мало ли, пригодится, – заговорщицки подмигнул он Тайсону и вытащил из кармана пачку документов. – Конкурентов надо изучать заблаговременно. – Тут он снова покосился на татуировки делового партнера, и лицо его сделалось озабоченным. – Надеюсь, судимых среди ваших выдвиженцев нет? – спросил председатель.

– Сами отбирали, – успокоил его Тайсон и, помня о

наставлении Замполита, отсчитал требуемые баксы. – А что там в вашем самоуправлении? – напоследок любопытствовал он.

– А ничего, – откровенно признался Вострецов. – Чем захотите, тем и займетесь. Согласно принятому вами же уставу. Хотите, дворы благоустраиваете, можете на аренду и торговлю разрешения давать, а можете местную милицию контролировать, – оседлав своего конька, принялся объяснять Вострецов, но уже перечисленного было достаточно, чтобы Тайсон перестал сокрушаться о потерянных деньгах. – Вы бы ради любопытства сходили на встречу с избирателями, послушали, о чем говорят, – посоветовал Вострецов, и они, обменявшись визитками, расстались удовлетворенные знакомством.

В отличие от Тайсона у мало-мальски воспитанного Шведа все прокатило как по маслу. Заблаговременно сняв с себя бандитскую амуницию и приодевшись в цивильный костюм, сохранившийся со времен работы в баре, он утром появился в редакции многотиражки «Посевная» – печатном органе некогда легендарного промышленного гиганта, находившегося под «рыльской» юрисдикцией.

Поприветствовав редактора, страдавшего от безденежья последних лет, он без лишних слов изложил ему суть коммерческого заказа, отчего тот повеселел и предложил нежданному клиенту чашечку ячменного

кофе.

– Устал, знаете ли, молодой человек, для каждого номера трудовые подвиги из пальца высасывать, – признался редактор, сидя напротив Шведа в протертом до дыр кресле. – Только на воспоминаниях ветеранов и держимся. А ведь я в свое время в «Правде» работал. Вот там, доложу вам, были подвиги, – разоткровенничался редактор после согласования финансовой стороны дела. – Ваши деньги как нельзя кстати. Я хоть с людьми за первый квартал рассчитаюсь.

Молча прихлебывая златорастущий кофе и пропуская мимо ушей болтовню, Швед задумался об интересах собственного коллектива и пришел к неутешительному выводу, что с завода, на который еще год назад «рыльские» собирались наехать и обложить данью, взять действительно нечего.

– Если пожелаете, можем программные листовки отпечатать или Интервью с вами мы кандидатами организовать, – участливо предложил редактор заскучавшему собеседнику. – У нас ведь половина рабочих – местные жители. А вы от кого баллотируетесь? – любопытствовал он и своим неожиданным вопросом смутил Шведа.

– Еще не решили, – неуверенно сказал тот. – Позже сообщим, – пообещал Швед и, поблагодарив хозяина за прием, покинул редакцию.

После его звонка Замполиту в фотосалоне был объ-

явлен экстренный сбор для всех кандидатов, и уже через час они принялись позировать перед объективом.

– Как в ментовке. Фас, профиль, отпечатки пальцев, – не осознав всей серьезности момента, не выдержал и заржал один из быков, расправляя на груди позаимствованный у фотографа цветастый галстук.

К концу рабочего дня фотографии и состоявшие из трех строк биографии «рыльских» кандидатов были переданы Шведом вместе с авансом редактору «Посевной».

Самыми яркими биографиями обладали двое: Замполит и бригадир по кличке Косяк, прошедший Афганистан и имевший несколько боевых наград. Косяк, пристрастившийся там к анаше, возглавлял у «рыльских» группу, сколоченную из повоевавших в горячих точках дембелей и используемую для особо деликатных поручений. Поэтому Замполит, нещадно каравший братву за наркотики, вынужден был закрывать глаза на человеческие слабости Косяка.

Просматривая похожие друг на друга биографии и изображения кандидатов, чьи узкие лбы, бульдожьи челюсти и одинаковые галстуки напомнили ему кадры милицейской кинохроники, редактор сердцем почуял неладное, но не решился заговорить о своих сомнениях. К тому же жизненно необходимые работникам многотиражки деньги лежали уже в сейфе, и вернуть их было выше его сил.

– Хорошо, – взвесив все «за» и «против», согласился он. – К утру тираж отпечатаем, – без прежнего энтузиазма пообещал Шведу редактор, но о дальнейшем сотрудничестве не заикнулся. – Так вы с избирательным объединением определились? – больше для проформы поинтересовался он.

Швед понял, что времени на изучение политических пристрастий «рыльцев» у него нет, и потому взвалил на себя весь груз ответственности перед братвой.

– Пусть будет объединение «За рынок», – нарек его Швед, потому как, околавываясь у подъездов интуристовских гостиниц, еще в застойные времена познав вкус рыночных отношений и потому считал себя сторонником реформ.

Редактор многотиражки промолчал, нацарапал на списке название и убрал полученные документы.

А поздно вечером «рыльская» верхушка съехалась в баню, ставшую избирательным штабом зародившегося объединения.

Выслушав отчеты приближенных, Замполит остался доволен началом кампании и похвалил их за оперативность. Сверхбурную реакцию вызвало сообщение Тайсона о возможности контроля за милицией.

– Бля, мужики, если срастется, заставим Субботина каждую неделю о борьбе с преступностью отчитываться, – под дружный гогот братвы пообещал Замполит. – Да с такими возможностями у нас чихнуть бесплатно

не посмеют. Поэтому до выборов никаких разгуляловых. Нарушителей живьем закопаю, – уже без шуток предупредил он. – После оттянемся.

Пришлось всем по душе и заявленное Шведом название, каждым, правда, истолкованное по-своему.

– Ну, Швед – голова. Точно подметил, – похвалил его Тайсон. – Да мы за свой рынок любому глотку перегрызем, отвечаю.

Несмотря на охвативший «рыльских» восторг, каждый из них сознавал, что первые успехи еще не гарантировали им окончательной победы. Поэтому дальнейший разговор пошел о нейтрализации соперников. Не обученные парламентским методам особо горячие головы настаивали на силовом воздействии, вплоть до ликвидации конкурентов, но Замполит понимал, что политические убийства неизбежно всколыхнут милицию и отпугнут от урн избирателей.

«Женщины и пенсионеры не в счет. С них телефонных звонков хватит. Разве что отдельными, особо неприятными персонально займемся, – раздумывал он, пока остальные надрывали глотки. – С барыгами тоже решим. А вот с прочими придется повозиться, и желательно без лишнего шума».

Резко оборвав ускользавшую из-под контроля дискуссию, где брала верх порочная мысль «всех валить», Замполит убедил собравшихся в ее бесперспективности и определил стратегию дальнейшей борьбы.

ГЛАВА 3

На следующий день двое обученных братков из бригады Шведа, имея списки наименее жизнестойких конкурентов, общим количеством девяносто восемь человек, приступили к их жесткой обработке с уличных таксофонов.

После нескольких часов разговоров энтузиазм звонивших несколько поулег, поскольку их усилия не приносили ожидаемого результата. Правда, две домохозяйки тут же откликнулись на подчеркнuto вежливые предупреждения и взяли самоотвод. Остальных, употребляя ненормативную лексику, пришлось загружать по полной бандитской программе. Кое-кто на этом сломался, но большинство собеседников, используя ту же лексику, сами ринулись в атаку. Этих одними словами было не пронять.

Поводом для практических шагов послужил звонок Тайсону от председателя избиркома, поздравившего «рыльских» с получением официального статуса и рассказавшего о жалобах двоих кандидатов на телефонные угрозы.

Тайсон успокоил встревоженного председателя, «снял его со счетчика» и посоветовал не встречать в ход избирательной борьбы, а затем отправил «рыль-

ских» стажеров по адресам кляузников.

Первого из них, живущего в Ульяновке, несколько часов прождали на лестнице, а после того как тот высунулся из жилища и отправился к избирателям, оглушили резиновой дубинкой. От удара бывший директор хлебозавода рухнул у дверей, как подкошенный колос, и только через сорок минут соседи отправили на «скорой» его бесчувственное тело.

Второго жалобщика безуспешно прождали в подъезде до поздней ночи, а когда в его квартире на втором этаже погас свет, не стерпели и обстреляли окна из охотничьего карабина, подняв с постелей жителей микрорайона.

Как оказалось, этих полумер с лихвой хватило, чтобы уже на следующий день пришедшие в чувство кандидаты досрочно сошли с дистанции, что послужило примером для многих соискателей.

* * *

Пока люди Шведа возились с женщинами и пенсионерами, их патрон в ночном баре держал речь перед наиболее уважаемыми районными проститутками.

– Леди, ваша основная цель – раздеть клиента догола, – вдохновлял их Швед. – Пользоваться видеотехникой научим. На всю эту любовь-морковь вам дается

три недели. Вопросы есть?

– А кто нам холостой пробег оплатит? – спросила старейшая работница отрасли по прозвищу Наездница и пренебрежительно отбросила заявочный список из бюджетников, мелкого чиновного люда и троих военно-служащих. – Эти разве что на дармовщину клонут.

– Тебе все мало?! И так небось на домик в Испании наскочила?! – разозлился Швед. – Не скули. Все оплатим. А депутатами станем, специально для вас на Юго-Западе интуристовский отель отгрохаем, – на полном серьезе пообещал он и тем самым окончательно склонил женщин к политическому сотрудничеству.

* * *

Вечером того же дня Замполит сидел в директорской ложе районного Дворца культуры, где проходила встреча с избирателями его округа. Услужливый директор, исправно плативший «рыльским» с каждой ночной дискотеки, снабдил его вывешенными в фойе предвыборными программами, и Замполит, сверяясь с текстом, наблюдал за происходившим на сцене.

Быстро приобретя достаточные знания в части местного самоуправления, он собирался было покинуть зал, но возникший в президиуме переполох задержал его.

– Друзья! – обратился председатель к немногочисленной аудитории. – Только что поступило известие от жены кандидата Молодцова! – прокричал он подсевшим голосом. – Два часа назад на него совершено покушение! К счастью, все обошлось! Он жив и находится в клинике!

После сенсационного сообщения по передним, кое-где заполненным электоратом рядам прокатилась волна гнева и возмущения, и собрание окончательно отклонилось от темы.

– Мне тоже угрожали. Требуют, чтобы кандидатуру снял, – пожаловался в микрофон один из ораторов, обещавший в случае избрания покончить с преступностью. – Но это же произвол.

Насладившись услышанным, Замполит отправился в штаб, где поделился своими выводами с окружением.

– Главное, соблюдать осторожность. Скоро нас опера начнут дергать, – предупредил он и поинтересовался состоянием агитации.

– Плакаты по всему району висят, – порадовал его Тайсон. – И квартиры видюшниками зарядили.

– Я и говорю, что скоро дергать начнут, – повторил свой прогноз Замполит и повел разговор о выработке программы. – Без программы мы никто, – пояснил он.

При всей своей ограниченности элита согласилась, что любая уважающая себя команда без целей и задач долго не протянет. Однако никто из собравшихся

не чувствовал в себе сил отобразить их цели на бумаге.

Перебирая в памяти своих знакомых, способных на такой грамотный труд, Швед вспомнил о бывшем профессоре, живущем в одном доме с его родителями.

– Я, когда в технаре учился, курсовики у него делал, – признался Швед. – Только он вряд ли согласится. Сильно интеллигентный.

– Денег предложи, – посоветовал Замполит. – Всю его интеллигентность как рукой снимет. И предупреди, чтобы особо не умничал. Главное, больше обещать.

* * *

В последующие два дня «рыльские» продолжали давление на конкурентов, и, судя по изменившемуся характеру разговоров, многие абоненты были всерьез озадачены постигшими их коллег неприятностями.

Как и просчитывал Замполит, феминистки вняли их дружеским советам и отказались от дальнейшего соперничества. Лишь одна – из числа руководителей налоговой инспекции – обматерила звонивших и повесила трубку. Поэтому, дабы вернуть Алле Григорьевне утраченное к ним уважение, братве пришлось потрудиться в поте лица.

На следующее утро, громко цокая высокими каблук-

ками, Алла Григорьевна вышла из подъезда и уверенно зашагала к новенькой серебристой иномарке, в которой ездила на государственную службу. Однако то, что она обнаружила в салоне красавца-автомобиля, повергло ее в шок. Собственно, как такового салона уже не было, а между развалившимися сиденьями торчала огромная ржавая батарея отопления, метко сброшенная с крыши ее четырехэтажного дома. Немного придя в себя, Алла Григорьевна осознала, что звонившие не намерены состязаться с ней в знании родного языка, и к вечеру последовала примеру остальных, более осторожных женщин.

В отличие от хранительниц домашнего очага, с мужчинами из списка первоочередников пришлось провозиться чуть дольше. Двоих, обратившихся в избирком, постигла, участь директора хлебозавода, а к проживавшему на даче отставному полковнику пришлось тащиться во Мшинскую и, воспользовавшись сном хозяйина, запалить на участке набитый дровами сарай.

Тем не менее Замполит старательно избегал большой крови. До поры до времени «рыльским» это удавалось, и, по сообщению председателя избиркома, все причисленные к первоочередникам вскоре превратились в рядовых наблюдателей.

Сам же Вострецов уже на третий день после знакомства с Тайсоном безошибочно определил причину первых самоотводов, но не мог тогда предположить, что

процесс приобрел столь массовый характер. Последующие события рассеяли его иллюзии, и он с ужасом осознал, что все только начинается.

Быстро разделавшись с легкой добычей, братва переключилась на подконтрольных ей представителей малого и среднего бизнеса, с которыми на первых порах также не возникало осложнений. А вот у приобщенных к избирательному процессу проституток клиентура была специфической.

Представителям этой особо выделенной Замполитом группы самых опасных конкурентов, по большому счету, кроме семьи и доброго имени, терять было нечего. Поэтому, помимо физического устранения, самым действенным против них оружием являлся компромат, эффективность которого «рыльские» оценили еще в период первоначального накопления капитала.

Этим и занимались профессиональные оболыстительницы, искавшие любые возможности для знакомства с жертвами.

Однако не каждый из мужчин торопился угодить в расставленные сети, а выспрашивал номер телефончика и обещал при случае позвонить. Попадались и такие, кто вовсе не реагировал на женские уловки, обрекая себя на крупные неприятности. Тем не менее круглосуточная работа с этой сложной категорией продолжалась и требовала повышенного терпения и такта.

Неожиданные осложнения для находившегося на подъеме объединения «За рынок» возникли там, откуда их и не ждали. Как-то Тайсон приволок в штабную баню и развернул перед «рыльским» генералитетом цветной плакат, увенчанный изображением Георгия Победоносца. Под копытами лошади этого почитаемого на Руси святого было крупно начертано: «Избирательное объединение „За русское братство"», а ниже размещались портреты нагло улыбающихся «холуйских».

– Полюбуйтесь, чем эта шелупонь занимается! – захлебываясь от бешенства, прохрипел контрразведчик. – Зря мы их тогда не урыли!

«Холуйские» объявились в районе около трех лет назад, в год, когда Замполит только возглавил группировку. Их старшему по имени Дима, приехавшему учиться в путяге из маленького городка Холуйска, что в Ивановской области, было тогда чуть больше двадцати.

Судоремонтником Дима не стал, но сумел сколотить коллектив из себе подобных и по примеру старших стал обкладывать данью мелких торговцев. Когда же вместе с зубами у пацанов вырос аппетит и появилось

оружие, они попытались подмять и более солидные точки.

На этом и столкнулись они впервые с «рыльскими», тогда еще не воспринимавшими их всерьез. Молодежь оказалась неподатливой и зубастой: понятий не придерживалась, авторитета не признавала, а проще сказать, беспредельничала. И если по численности и вооружению «холуйские» уступали команде Замполита, то по дерзости и желанию отвоевать себе кусок превосходили «рыльских» в несколько раз.

После месяца боевых действий обе стороны понесли серьезные потери, но главное – страдал бизнес, что в большей степени наносило урон Замполиту и его коллективу.

Подсчитав тогда вместе с Гетманом упущенную прибыль, Замполит пришел к выводу, что с молодежью придется договариваться и идти на некоторые уступки.

На «стрелке» за городом территорию района располовинили, и основные промышленные объекты, центры торговли и развлечений, а главное, рынок остались за «рыльскими». Спальная же часть с универсами, торговыми зонами, кафешками, ТЭЦ и станцией метрополитена отошла Диме Холуйскому и его пацанве, промышленявшей, помимо коммерции, грабежами и квартирными кражами.

В последующие годы обе стороны придерживались договоренностей, не наступали друг другу на пятки и

даже совместными усилиями несколько раз «разводили лохов». И вот теперь, когда Замполит жил предвкушением успеха, «холуйскими» была подкинута такая подляна.

Едва сдерживая ярость, обернутый в банную простыню Замполит молча взял со стола трубку мобильника и принялся давить на кнопки.

– Дима, это Замполит, – назвался он, когда на противоположном конце линии ответили. – Вот сижу и люблюсь вашими изображениями. А уж название – точнее не скажешь. Только почему же не «Русское братанство»? Стесняетесь, что ли? – со злой иронией поинтересовался он. – Вы что же, нам поперек дороги лезете?

– А в чем, собственно, дело? – спокойно отреагировал на его вопрос повзрослевший за эти годы Дима. – Мы, кажется, избирательные урны не делили. Вы ведь тоже без нашего ведома весь район застолбили. А нам что делать? Ждать, пока вы со своими мандатами нас с грядки сгоните? – по-прежнему невозмутимо спросил он.

Отдавая должное резонности его слов, Замполит полюбопытствовал:

– Как же вы зарегистрировались?

– Так же, как и вы, – откровенно признался Дима. – А название такое, потому что пацаны мои – патриоты. Это вы с рынка сосете, а нам жидаы и черные ни к че-

му, от них все беды, – с пафосом произнес он и назвал своего духовного наставника. – Нам один отставной кавторанг все растолковал.

– Пойми, это наша тема. Мы в нее вложились капитально, – Замполит, еще сохраняя дипломатичность, совестил Диму. – Это не по понятиям.

– Замполит, какие к х...м на выборах понятия, – не сдавался тот.

Чувствуя, что Диму не пробить, Замполит не выдержал, сорвался и перешел на ультимативный язык:

– Значит, так. Чтобы завтра я ваши рожи и этого всадника с копьем в районе не видел. Понял или тебе повторить?

– Повторить.

– Что, сопляк, войны захотел?! Получишь! – в бешенстве заорал Замполит, не в силах более сносить издевательства, но вместо ответа в трубке послышались короткие гудки.

В считанные минуты произошло то, чего с содроганием в сердце опасался дважды поддавшийся соблазну председатель райизбиркома Вострецов, и с этого момента «рыльским» предстояло сражаться сразу на нескольких фронтах.

– Совсем щенки оборзели! Пора этих недоносков на место ставить! – размахивая кулаками, продолжал возмущаться оскорбленный до глубины души Замполит. – И председатель твой хорош, – обратился он к Тайсону.

– Я этого козла с голой жопой оставлю, – твердо пообещал тот.

Нарушая собственный запрет, Замполит вытащил из бара бутылку коньяку и залпом осушил бокал анестезирующего напитка, а слегка захмелев, принял решение о поголовной мобилизации братвы и переходе на военное положение.

– Откуда только они столько кандидатов набрали? – задался он вопросом. – У них же половина малолетки.

– Таких же безголовых со дворов подтянули, – предположил Тайсон, уже готовивший себя к грядущим сражениям.

Находящейся на боевом взводе братве окончательно испортил настроение Швед, не ко времени высунувшийся со своим отчетом о разговоре с профессором.

– Я и уговаривал, и деньги предлагал, а он ни в какую. Упертый до предела. «Я, – говорит, – в таких мероприятиях не участвую», – передразнил он профессора, уже знакомого к моменту их разговора с «рыльской» агиткой.

– Дай-ка мне его адресок, – попросил у Шведа до того молча попыхивавший в углу «заряженной» папирсой Косяк.

Его просьба откровенно напугала Шведа, и он с надеждой посмотрел на лидера. Однако озлобленный последними неудачами Замполит в знак согласия качнул головой, и Шведу пришлось назвать адрес profes-

сора Вознесенского.

ГЛАВА 4

Очередной рабочий день начальника отдела милиции Георгия Николаевича Субботина начался, как и принято, с утреннего доклада дежурного. Разобрав вместе с коллегами каждое из совершенных за сутки преступлений, Субботин проинструктировал вновь заступивший наряд и отпустил подчиненных.

– Полюбуйтесь, перед кем скоро отчитываться придется, – не скрывая раздражения, обратился он к задержавшимся в кабинете заместителям и развернул плакаты с фотографиями братвы. – Это я по дороге сорвал, – пояснил майор.

– И за кого из них ты голосовать советуешь? – полюбовавшись знакомыми физиономиями, кисло усмехнулся Игорь Ковалев, старый товарищ Субботина, отвечавший за оперативную работу, но начальник его шуточки не принял.

Нельзя сказать, что известие майора повергло в шок его замов. Если уж многие сограждане привыкли к подобным явлениям и, услышав о блатной кличке и судимости какого-нибудь чиновника или парламентария, перестали впадать в прострацию, то что говорить о давно работавших в органах офицерах. И все же при мысли, что эта поразившая страну раковая опухоль пу-

стит метастазы в собственном районе, им сделалось нестерпимо больно и досадно.

На охраняемой субботинским отделом «земле» находились все центры районной власти, в том числе и закамуфлированный под баню потаенный, штаб «рыльских». Именно по этому избирательному округу и решил баллотироваться Замполит, рассчитывая отомстить упертому майору за причиняемое братве и ему лично беспокойство. Ведь пять лет назад именно опера Субботина отправили его в тюремную камеру, которую он покинул лишь после судебного слушания.

Георгий Николаевич не осуждал тогда запуганных бандитами людей, отказавшихся от своих прежних показаний. Не осуждал он и коммерсантов, жаловавшихся ему на бандитов, но не находивших в себе мужества изложить сказанное на бумаге. Все это связывало оперативникам руки, порой доводило до отчаяния, но, как ни обидно было признавать Субботину, при своем убожестве любимая им милиция не могла обеспечить этим людям надежную и гарантированную защиту. Однако когда ему и его коллегам все же представлялся случай наступить бандитам на хвост, они свой шанс не упускали и использовали на все сто, загоняя за решетку рядовых исполнителей. Только вот верхушка «рыльской» группировки и ее лидер оставались, при существующей судебной системе, вне зоны досягаемости.

– Недавно кандидатше из налоговой на автомобиль

батарею сбросили, – после обмена мнениями напомнил Ковалев. – Правда, она это с выборами не связывает. А к нам обратилась, чтобы страховку получить. Может, признаться боится?

– Чего гадать, Игорь, и так все ясно. Нельзя их в депутаты пропустить, – твердо заявил Субботин. – Иначе такое самоуправление начнется, что туши свет. Проверь-ка их на судимость, – кивнув на снимки, попросил он Ковалева и засобирился в райуправление.

В конце руководящего совещания, после того как были оглашены итоги за месяц и начертаны новые математические рубежи, Субботин продемонстрировал бандитские агитки начальнику райуправления, но тот, бегло на них взглянув, не обнаружил должного удивления.

– Ну и что из этого? – равнодушно спросил полковник. – Я тоже баллотируюсь.

Бывшему политработнику Булкину должность начальника крупнейшего районного управления перепала около года назад в награду за верноподданнические чувства. В то время новый руководитель главка в погоне за званием «народный генерал» проводил в милиции широкомасштабные кадровые чистки, всюду расставляя близких себе по духу людей, каковыми, по его убеждению, являлись бывшие специалисты в области политграмоты.

Согласно милицейской молве, Булкин, прознав об

этом, просочился на прием и напросился в его высококоидейную команду, дабы в ее рядах сражаться с преступностью. Его слова тронули генеральское сердце, и тот одарил преданного идеалам Булкина начальствующей должностью, удалив с нее на пенсию заслуженного профессионала. С тех пор полковника Булкина глубоко волновали лишь две вещи: цифры отчетности и еврообустройство домашнего очага.

Несмотря на устрашающую информацию, он остался невозмутимым.

– А что мы можем сделать? – сказал Булкин присутствующим и развел руки. – На это есть избирательная комиссия. Да и народ у нас неглупый, сам во всем разберется...

Однако Субботин не успокаивался.

– Так давайте поможем разобраться: с избиркомом свяжемся, по кабельному выступим, участковых по квартирам отправим. Пусть разъясняют, откуда эти «рыночники» взялись.

Но Булкин замахал руками.

– Ни в коем случае! Армия и милиция вне политики! – поддавшись старой своей привычке, заговорил он лозунгами и строго-настрого предупредил: – Узнаю, что самовольничаете, – накажу.

По окончании совещания Субботин в прескверном настроении выбрался на улицу и закурил. К нему присоединились начальники территориальных отделов,

не менее его встревоженные бандитской активностью, и стали перечислять связанные с выборами преступления.

– У меня кандидату одному из карабина все окна изрешетили. А он ни слова о бандюках. Пацаны, говорит, балуются, – рассказал один из начальников.

– Боятся признаться, – констатировал Субботин и вслух обругал Булкина.

Распрощавшись вскоре с коллегами, он в нарушение запрета все же заглянул в избирком, разыскал председателя и выложил ему свои опасения. Тот в стиле Булкина театрально развел руки.

– Да поймите вы. Нет у меня законных оснований для их отстранения. Докажите, что они преступники, – тогда другой разговор, – начал объяснять Вострецов, и майор понял всю бесполезность дальнейшей дискуссии.

– Скажите, а кто-нибудь свою кандидатуру снимал? – поинтересовался он, и председатель неожиданно смутился.

– Несколько человек по семейным обстоятельствам, – слегка помявшись, соврал Вострецов.

– А на угрозы не жаловались? – не отставал от него Субботин, и Вострецов, обеспокоенный любознательностью майора, не решился отрицать зарегистрированные звонки.

– В самом начале жалобы были, но потом все стих-

ло, – признался он и напоследок попытался успокоить настырного милиционера. – Да вы, товарищ майор, не переживайте. Никто за них не проголосует.

В тот же день поздно вечером к задержавшемуся на службе Субботину ворвалась жена бывшего профессора политэкономии Анна Сергеевна Вознесенская, с которой он имел честь познакомиться около года назад, раскручивая одно очень запутанное дельце.

– Георгий Николаевич, родной, помогите, – дрожащим от волнения голосом запричитала она. – Степан Яковлевич исчез.

Как следовало из ее слов, пообедав, Степан Яковлевич отправился на почту за пенсией и до настоящего времени так и не вернулся.

– Я вначале подумала, в шахматы заигрался. А уж когда стемнело, побежала в парк – никого нет, я на почту – там все закрыто. Вернулась – стала в «скорую» звонить. Говорят, не поступал, – весьма сумбурно перечисляла Вознесенская порядок действий по розыску мужа. – Георгий Николаевич, помогите, – снова заголосила она.

Субботин напоил ее холодным чаем, слегка успокоил и, записав содержавшее приметы мужа объяснение, отправил домой.

В надежде отыскать профессора он бросил все имевшиеся в наличии силы на прочесывание территории, но Степан Яковлевич словно в воду канул.

Только утром, через час после открытия почты, вернувшийся в отдел опер Пушков принес первую безрадостную информацию, еще более всех озадачившую.

Его разговор с почтовыми работниками ничего к ранее известному не прибавил. Судя по финансовым документам, Вознесенский получил пенсию и беспрепятственно покинул отделение. И только торговавшая на улице молоденькая мороженщица навела сыщика на след.

После описания примет Вознесенского она вспомнила происшедший на ее глазах инцидент. Со слов девушки, к вышедшему из дверей почты профессору подскочили двое бандитского вида парней, завернули старику руки и запихнули в поджидавшую их красную иномарку.

– Номер, разумеется, не запомнила. Приметы – типовые. Оpoznать вряд ли сможет, – закончил свой рассказ Вася Пушков.

Все, казалось бы, прояснилось, но теперь возник другой, не менее странный вопрос: чем не угодил бандитам безобиднейший Степан Яковлевич?

Некоторую ясность в умы сыщиков внесла Анна Сергеевна, извещенная ими о похищении и вспомнившая об услышанном накануне телефонном разговоре, где речь, как ей показалось, шла о выборах. Припомнила она и слова, произнесенные мужем в ответ собеседнику: «Я в политических мероприятиях не участвую».

Имя незнакомца Анна Сергеевна не знала.

Связав все воедино, сыщики пришли к мнению, что исчезновение профессора обусловлено предстоящими выборами. Вот только какая из двух группировок стоит за этим похищением, зачем им понадобился профессор и каковы будут последствия его отказа?.. Субботин взял со стола ежедневник, полистал страницы и, отыскав нужный номер, позвонил Замполиту на трубку.

– Повесткой вызывайте, – огрызнулся авторитет на устное приглашение майора.

– Я бы вызвал. Да ты адреса часто меняешь. А тут дело срочное, – стараясь до поры до времени не обострять разговор, объяснил Субботин. – Гарантирую, что больше чем на час не задержу.

Твердость субботинского слова Замполит испытал на собственной шкуре и, ворочаясь на шконке тюремной камеры, не раз проклинал в душе твердолобого мента. Поэтому во избежание ненужных ему осложнений согласился показаться в отделе. Похожий разговор состоялся и с Димой Холуйским.

Ближе к концу рабочего дня оба лидера избирательных объединений почти одновременно заявили к Субботину в сопровождении адвокатов, которых тот культурно выпроводил за дверь.

Замполит, появившийся вторым, при виде разодетого в цветастый спортивный костюм и бейсбольную кепочку Димы от внезапности встречи опешил, но затем

пришел в себя и обдал обидчика уничтожающим взглядом. Дима в долгу не остался и встретил его молчаливую угрозу ядовитой усмешкой.

«О-о-о, братцы, да у вас еще все дебаты впереди», – мысленно отметил Субботин, но за нехваткой времени не стал вдаваться в их идейные разногласия. Посадив гостей за приставной столик, он сразу заговорил о наиболее болезненном:

– Для чего вы в депутаты рветесь, для меня не секрет. Не вы, что называется, первооткрыватели. О политических взглядах по названию ваших шарга догадался, Меня сейчас другое волнует. – Субботин замолчал и пристально посмотрел на авторитетов, демонстрировавших полнейшую невозмутимость. – Кому из вас профессор понадобился? – выдержав паузу, неожиданно спросил майор, но его вопрос никак не отразился на их физиономиях.

– Наверняка его «холуята» резвятся, – первым, не выдержав молчания, заговорил Замполит и кивнул на соперника.

Не уступавший ему в габаритах Дима побагровел от ярости, поднялся со стула, и только присутствие майора помешало ему адекватно отреагировать на оскорбление.

– За «холуят» отдельно спросим, – только и успел процедить он сквозь зубы, потому что Субботин жестко оборвал прения и усадил его на место.

– Будет кровь – пеняйте на себя! – повысив голос, предупредил он обоих, сознавая, что его слова не найдут в их мозгах должного отражения. – Пятерых кандидатов уже обработали! Мало?! А если с профессором что случится, я вас без суда и следствия укатаю! Вашими же средствами! – пригрозил Субботин, чтобы хоть как-то заставить их нервничать, но те оставались непрошибаемыми, а в кабинет один за другим заглянули адвокаты.

И все же еще минут сорок, не имея каких-либо доказательств, он пытался «раскрутить» Диму и Замполита, но так и не уяснил, кто из них стоит за злодейским похищением.

– Напрасно вы, товарищ майор, на нас наезжаете. Чем мы хуже других? – постарался смягчить концовку более опытный Замполит. – И порядка при нас будет больше, и милицию не обидим. А если что не так, я за базар отвечу.

– Хорошо бы, – не слишком весело сказал Субботин и выпустил их с десятиминутным интервалом.

А наутро стало известно, что по факту похищения Вознесенского прокуратурой возбуждено дело, и дальнейшие поиски профессора приняли планово-следственный характер.

Разумеется, что ничем не подкрепленное предупреждение Субботина не омрачило авторитетам настроения и не изменило их планы. Наоборот, стычка в ка-

бинете лишь подтолкнула их к более жестким действиям...

Той же ночью ликвидаторы из отделения Косяка натолкнулись на троих «холуйских», навеселе покидавших одно малопрстойное заведение. Памятуя о приказе Замполита, они не стали шуметь в своем районе, а пристроились за вражеским «фордом» и у него на хвосте перевалили через административную границу.

В районе Красного Села «холуйские» затормозили у придорожного магазинчика и выбрали за покупками. Этого было достаточно, чтобы на обратном пути к машине автоматными очередями пригвоздить их к земле, а выскочившего водителя остановить выстрелом из пистолета.

Запах свежей крови одурманил братву, и на следующий день очередной жертвой схватки за право озеленять скверы едва не сделался Замполит, заехавший в контролируемый «рыльскими» ресторан.

Откушав в отдельном кабинете со своим водителем, Замполит развалился на диване, закурил и повел беседу с Яковом Соломоновичем, директором заведения, обеспокоенным убытками из-за огромных налогов и безденежья населения.

– Дай только депутатами стать, мы тебя от всех налогов освободим, – подбодрил его Замполит, имевший свою долю от доходов ресторана. – Сам будешь с лотов бабки снимать.

В это время прикрытая бархатными портьерами дверь отворилась, и в кабинет грациозно вплыла Марина, администратор и по совместительству действующая подружка Замполита. Не испытывая смущения перед посторонними, она уселась на колени суженому и обняла его мускулистую шею. Тормоз и Яков Соломонович поднялись и вежливо удалились.

– Совсем обо мне забыл, – заглядывая ему в глаза, проворковала Марина.

– С выборами завертелся. То одно, то другое. А тут еще с «холуйскими» разосрались, – стал оправдываться Замполит.

– Ох, не бережешь ты себя, Антоша, все о благе людском печешься, – насмешливо сказала Марина и потрепала его пышную шевелюру.

– Не тренди. О тебе пекусь да о братве. Скоро первой леди района станешь, отвечаю, – пообещал он и погладил ее обтянутое короткой юбкой бедро, но раздавшийся за окнами взрыв прервал их ласки.

Выскочив на улицу, Замполит сразу же оценил увиденное. Прилегающая к ресторану территория была усыпана осколками витринных стекол, дымившимися останками «мерса» и частями тела его испытанного водителя. Мгновенно спавший с лица Замполит забрал у Соломоновича ключи от его «девятки» и тут же ретировался.

– Передай всем, чтобы ментам обо мне не базари-

ли, – предупредил он директора. – И запомните, Тор-моз обедал один.

На этом проделки «холуйской» братвы не кончились. К вечеру объединение «За рынок» лишилось еще нескольких перспективных кандидатов и «опеля». А ночью мощный взрыв потряс рынок и поднял на воздух часть мясного павильона. Это уже была чисто экономическая диверсия.

Все последующие дни охотники из обеих группировок рыскали по району в поисках новых мишеней, но большая часть кандидатов ушла в подполье. Даже своих погибших и тем, и другим приходилось хоронить без принятой в бандитских кругах помпы, а по-будничному тихо и незаметно.

Сам Замполит и его приближенные после первых же взрывов окончательно обосновались в бане, превращенной ими в неприступную крепость, и оттуда руководили ходом избирательной кампании. С помощью своего стукача во вражеском стане «рыльским» все же удалось выследить и укокошить еще нескольких конкурентов, поэтому вскоре шансы уравнились, а число обведенных в траурные рамки портретов заметно возросло.

Подобная предвыборная активность не осталась без внимания правоохранительных органов и прессы. Из оперативников РУБОПа и «убойного» отдела главка в авральном порядке была создана и откомандирова-

на в район мобильная группа, а средства информации, пугая все новыми трупами кандидатов, зашумели об очередном переделе собственности. Как ни странно, такая реклама была на руку Замполиту и способствовала массовому оттоку конкурентов, но одновременно с этим вносила нервозность и в «рыльские» ряды.

Подвернувшиеся главковским операм члены их команды часами допрашивались в прокуратуре, просиживали в «обезьянниках» милицейских отделов и терпели иные моральные, а иногда и физические страдания. Дошло до того, что Косяка чуть было не повязали с наркотой, но тот вовремя сбросил подаренный ему на День ВДВ кожаный кисет. И хотя ни одно из преступлений раскрыто не было, Замполит довольно быстро пришел к мнению, что воевать на два фронта им не под силу.

– Да мне самому запахло с ними договариваться. А что делать? Иначе без людей останемся, – обливаясь потом в сауне, убеждал он верхушку группировки. – Мы их после угондошим, отвечаю, – пообещал Замполит и получил согласие на заключение унижительного для «рыльских» мира.

Судя по всему, аналогичным образом рассуждал и Дима, потому как без проволоочки откликнулся на посланное ему на трубку сообщение.

Вызванная требованием момента встреча состоялась следующим утром в Стрельне на берегу залива,

куда оба авторитета прикатили в сопровождении многочисленной братвы. По-деловому, без всяких рукопожатий, лидеры группировок уединились, расселись на песке и закурили.

– С Литейного ментов наслали, – на правах инициатора встречи начал Замполит. – Моих уже кололи по полной программе.

– Моих тоже, – подтвердил Дима.

– И лохов войной распугали, – продолжил Замполит, и его визави согласно кивнул. – Пора со стрельбой завязывать, а то без избирателей останемся, – даже не упомянув о погибших, предложил он и нашел у Димы полное понимание.

– А что там за профессор какой-то? – любопытствовал тот.

– Это наши проблемы, – с неохотой признался Замполит и приступил к выработке условий перемирия.

Пусть лохи сами решают, за кого голосовать, – порешили они и договорились о совместных действиях против оставшихся в строю независимых кандидатов.

– Только за ремонт рынка придется отстегнуть, – расстроил Замполит собеседника в конце разговора.

– С каких х...в? – искренне удивился Дима.

– Как с каких? Вы не по понятиям поступили и обидели ни в чем не виновных барыг. – Замполит принялся растолковывать ему бандитское законодательство. – Не согласен – пусть на городском сходняке рассудят, –

предложил он, но Дима, слегка поартачившись, все же согласился перечислить требуемую сумму, и через несколько минут поджидавшая их братва мирно разъехалась.

ГЛАВА 5

Последняя декада октября ознаменовалась установлением бандитской монополии во всех избирательных округах.

Выйдя из подполья, «холуйские» осуществили блицкриг в отношении собственных коммерсантов, а «рыльские» проститутки, даже во время войны исправно отработывавшие вложенный в них капитал, продолжали пополнять видеотеку новыми эротическими произведениями.

Для отдельных исполнителей главных мужских ролей хватало телефонного звонка с пересказом содержания серии, и они досрочно отлучались от активной политической жизни, смиренно возвращаясь в лоно семьи и рабочего коллектива. Другие же, более недоверчивые, требовали неопровержимых, доказательств. Приходилось транжирить пленку и переправлять им копии. И только самоличное просмотры вынуждал их безропотно сдаться на милость победителей.

Однако попадались и такие, на которых не действовали ни видеопродукция, ни разумные доводы.

– Засунь эту кассету себе в задницу! Я кому угодно докажу, что это фальшивка! – посоветовал звонившему блюстителю нравственности один холостой и горя-

чий мастер производственного обучения из той самой
путиги, где в свое время отбывал срок Дима Холуйский.
За это его молодняк, по договоренности с Замполитом,
и проучил через пару дней зарвавшегося педагога.

Поздним вечером, когда стены лица опустели, ва-
тага «холуйских» в натянутых на лица шапочках с про-
резами для глаз ввалилась в мастерскую к припозд-
нившемуся за работой кандидату. Продемонстрировав
обрез, нападавшие без лишнего шума стянули ему ко-
нечности толстым монтажным проводом, усадили на
пол и привязали к станине сверлильного станка, а для
полной звукоизоляции запихнули в рот кусок ветоши.
Погасив за собой свет и заперев дверь позаимствован-
ными у жертвы ключами, «холуйские» выбрались из
здания по указанному их лидером маршруту.

Только на следующий день мастерская была вскры-
та запасными ключами, и ошалевший от ночных пере-
живаний наставник молодежи, на шее которого болта-
лась злосчастная видеокассета с надписью «Учебный
фильм», был освобожден из бандитского плена.

Полезная деятельность проституток сопровожда-
лась курьезами. Одна из них, по имени Зина, недели
две регулярно встречалась с главврачом стоматологи-
ческой поликлиники, но так и не смогла ничего добиться.
ся.

Пересилив свой страх перед зубными врачами, она
даже уселась в зубоврачебное кресло. Ее самоотвер-

женный поступок и женские прелести были оценены по достоинству, и уже вечером Зинаида и пятидесятишестилетний вдовец Эдуард Маркович мило общались за столиком ресторана «Астория», кавалер не переставая шутил и даже читал стихи собственного сочинения.

Они посетили художественную выставку и прослушали в Мариинском «Хованщину», после чего у Зины всерьез разболелся зуб. Но все эти интеллигентские изыски не приближали их к заветной постели. Едва только парочка оказывалась под окнами конспиративной квартиры, как провожатый начинал суетиться и мгновенно исчезал. Не действовали ни приглашения на чашечку кофе, ни полные страсти вздохи Зинаиды, ни иные эротические приманки. Главврач был сексуально неприступен.

Наконец на двенадцатый день знакомства Зинаида не выдержала, разыграла обиду и напрямую спросила ухажера о странностях его поведения. «Зиночка, к сожалению, я на это уже не способен», – зардевшись от смущения, признался Эдуард Маркович. Зина обматерила «старого пердуна» за напрасно потраченное время и гордо удалилась, перепоручив сладкоречивого пиита «рыльской» братве.

А вот для того, чтобы выбить из обоймы двух действующих милиционеров: начальника райуправления Булкина и старшего участкового Фадеева, – «рыльским» пришлось в буквальном смысле вывернуться

наизнанку, их искушенные «дамы полусвета» наотрез отказались вступать в какой-либо контакт с блюстителями порядка. И здесь на помощь братве пришел человек Тайсона.

Как стало известно, жена майора Фадеева, выдвинутого в кандидаты жильцами его микрорайона, работает администратором оздоровительного центра «Олимпус», а сам участковый владеет латаным-перелатаным «Москвичом», доставшимся ему в наследство от тестя. Этим и задумал воспользоваться Замполит, поручивший столь рискованное задание дважды судимому Шнырю и находившемуся в федеральном розыске Борову.

Назвавшись командированными, криминальная парочка завела знакомство с администрацией, приобрела абонементы и исправно в течение недели посещала «Олимпус», где поправляла здоровье на импортных тренажерах.

В последний день своей лжекомандировки «рыльские» агенты влияния с цветами, конфетами и бутылкой шампанского заглянули в кабинет к Фадеевой. Тронутая таким вниманием, Антонина усадила гостей города на диван, достала из шкафчика фужеры, и Шнырь до краев наполнил их пузырящимся напитком.

– Можно с вами на память сфотографироваться? – попросил Боров раскрасневшуюся хозяйку, после того как участники «отвальной» приговорили бутылку.

– С удовольствием, – весело откликнулась Фадеева на его предложение.

Боров извлек из спортивной сумки японский фотоаппарат, и приглашенный в кабинет охранник запечатлел на пленку жизнерадостную тройцу. В ту же ночь с оставленного возле дома фадеевского «Москвича» исчез номерной знак.

Полученные «рыльскими» фотоматериалы вместе с пояснительным текстом были запечатаны в конверт и отправлены начальнику милицейского главка.

В. Большом доме мгновенно отреагировали на послание, и ничего не подозревавший Фадеев был вызван на ковер к генералу.

После двухчасового ожидания в приемной майор переступил порог кабинета и представился вальяжно развалившемуся за столом милицейскому барину. Тот, едва сдерживая злорадствующую улыбку, молча помянул его пальцем.

– Дай-ка свое удостоверение, – потребовал он у потерявшегося участкового, безропотно подчинившегося приказу.

Начальник главка брезгливо повертел в руках красную книжечку с золотистым орлом и бросил ее в ящик стола.

– Ты что же, подонок, с преступниками снюхался, на «фордах» разъезжаешь?! – брызгая слюной, заорал генерал, считавшийся непревзойденным мастером по-

добных сцен. – Народ тебя, понимаешь ли, кормит, одевает, а ты его продаешь, мерзавец?!

Он приподнялся в кресле и попытался дотянуться до погона участкового, но тот машинально отпрянул, и генерал рухнул на стол, смахнув на пол заключенный в рамочку портрет президента.

После несостоявшегося театрального трюка он вновь погрузился в кресло и швырнул испуганному Фадееву пачку фотографий.

– Товарищ генерал, это не мой автомобиль, – выдал из себя Фадеев, вдоволь налюбовавшись изображением, шикарной «тойоты», стоявшей возле входа в «Олимпус». – Номер мой, а машина чужая. У меня «Москвич» старенький, – попытался объяснить участковый, но генерал даже не пытался его выслушать.

– А жена твоя с кем путается?! – перебил он и указал на фото Антонины в компании со Шнырем и Боровом. – Это кто такие?!

– Не знаю, – пожал плечами Фадеев.

– Зато мы знаем! – прорычал генерал и продемонстрировал Фадееву приказ об увольнении майора по компрометирующим обстоятельствам.

Ознакомившись с документом и не веря в реальность происходящего, Фадеев ошалело уставился на вершителя милицейских судеб и хотел было взять последнее слово, но это не входило в генеральские планы.

– Во-он отсюда! – завизжал тот, и старший участковый на ватных ногах выбрался из генеральского кабинета.

Естественно, что после пережитой трагедии мысли о местном самоуправлении навсегда покинули бывшего майора, и он занялся собственным трудоустройством и оспариванием через суд законности увольнения.

В отличие от своего незаслуженно изгнанного подчиненного, полковника Булкина сгубило огромное самомнение, любовь к иностранной валюте и полное отсутствие профессионализма.

Среди листвы многолетних деревьев на территории района уютно, по-домашнему, раскинулось старинное кладбище. До поры до времени, как и весь городской кладбищенский бизнес, оно находилось в руках могущественной криминальной группировки, соперничество с которой для «рыльских» и «холуйских» было равнозначно самоубийству.

Однако вскоре после вступления Булкина в должность на приеме у него появился кладбищенский директор Нечаев, обеспокоенный разворовыванием вверенного ему имущества.

– Все, паразиты, на металлолом тянут: барельефы, кресты, ограды, а денег на охрану шиш. Меня родственники усопших до невроза довели, – плакался он начальнику управления. – Вот если бы вы, товарищ полковник, лично этим вопросом заинтересовались, –

вздохнул Нечаев и замолк в ожидании ответной реакции.

Полковник понял намек и заметно оживился, сбросив с лица дежурную маску сострадания.

– А вы разве без «крыши»? – поинтересовался он.

– Куда ж без нее. Приходится бандитам платить, – откровенно признался Нечаев. – Только ведь они сторожить не будут. Заявляй, говорят, в милицию.

После непродолжительных раздумий Булкин пообещал заняться его проблемами и черкнул на листке телефон «крыши».

И действительно, денежные бандитские авторитеты не стали учинять разборки из-за второразрядного объекта и без всякого сожаления передали его в ментовские руки. С тех пор месячное жалованье Булкина возросло на двести американских долларов, получаемых им от воспрянувших духом могильщиков.

К чести полковника, он тоже не остался в долгу. Ежегодно посаженные им на «уазик» милиционеры кружили вдоль кладбищенской ограды и отгоняли своим присутствием полчища охотников за благородным металлом.

Вот эту-то полученную Тайсоном информацию и реализовали «рыльские» кандидаты, действуя по всем правилам оперативного искусства.

В тесный кабинетик Нечаева ввалились три молодых жлоба пугающей наружности, не спросясь, нахаль-

но расселись возле директорского стола и предложили свои услуги по охране объекта.

– Спасибо, ребята. У меня уже есть «крыша», – сразу объяснил им Нечаев, решивший не затягивать собеседование.

– И кто же? – с ухмылкой спросил наглый мордovorot.

– Менты, – козырнул директор, полагая, что для непрошенных визитеров этого будет достаточно. Но те, словно не расслышав ответ, продолжали ухмыляться. – Они здесь патрулируют круглосуточно, – добавил Нечаев, чтобы как-то предостеречь гостей от необдуманных поступков.

– И домой тебя провожают? – поинтересовался все тот же мордovorot. – Ты ведь, кажись, в Ульяновке живешь?

Его недвусмысленный намек, а главное, таящий угрозу тон совершенно не понравились Нечаеву и нарушили его прежнее благодушие.

– Что вам надо? – спросил он и, дабы скрыть охватившее его волнение, закурил сигарету.

– Хотим на «крышу» твою глянуть. А то, может, ты нам фуфло втюхиваешь.

Повинуясь инстинкту самосохранения, директор связался с Булкиным и ввел его в курс дела. Выслушав негодование полковника и данные наставления, он приободрился, водрузил трубку на аппарат и обра-

тился к братве.

– Завтра в четырнадцать ноль-ноль у главных ворот, – объявил он место и время встречи, после чего мерзкие вымогатели тут же откланялись.

* * *

Точно в назначенное время служебный «форд» начальника управления остановился у ворот кладбища, и облаченный в мундир Булкин, спешивший домой на обед, нехотя выбрался наружу с водительского кресла. Одновременно с ним из «девятки» неподалеку появился и делегированный «рыльскими» Швед.

Приблизившись к милицейскому полковнику, Швед вежливо поздоровался, но вместо ответного приветствия голодный и по этой причине раздраженный Булкин потребовал у него документы.

– Ты знаешь, кто я такой? – спросил он, возвращая Шведу тщательно изученный паспорт, однако тот промолчал. – Я начальник районного управления! – с пафосом произнес полковник и сделал паузу, видимо, полагая, что после его слов тот растворится в воздухе, но Швед как ни в чем не бывало продолжал стоять рядом. – Так что вам здесь надо? – так и не дождавшись эффектной, концовки, снова спросил Булкин.

– Мы, товарищ полковник, всего лишь охрану пред-

ложили. Времена, знаете ли, беспокойные, а милиции за всеми не уследить, – изобразив внешнюю растерянность, стал оправдываться «рыльский» эмиссар.

Но проницательный Булкин прервал его разглагольствования.

– Ты из себя придурка не корчи. Лучше откровенно признайся, что хотели наехать, – сурово посоветовал он, но Швед и на этот раз промолчал. – Запомни и другим передай, что «крыша» здесь я. Поэтому не дай Бог сюда сунуться. Живьем закопаю. Без креста и следствия, – предупредил он напоследок. – Другие точки ищите.

– Да что вы, товарищ полковник, мы люди с понятием, – покорно заверил его Швед, и Булкин тотчас потерял к нему всяческий интерес.

Он одернул китель, поправил на голове фуражку и бодро зашагал к домику кладбищенской администрации.

Швед же вернулся в машину к своим подчиненным, продолжавшим снимать на видеокамеру удалявшегося Булкина, и плюхнулся на переднее сиденье. Расстегнув куртку, он отцепил от рубашки миниатюрный микрофончик, свернул провода и убрал оперативную технику.

– Все путем, – обрадовал его помощник, державший на коленях магнитофон с подключенным к нему приемным устройством. – Этому фраеру конец.

В это время из динамика послышался голос Булкина, рапортовавшего о капитуляции противника.

– Местная шантрапа думала подзаработать. А как меня увидели, сразу обоссались, – осветил он Нечаеву ход встречи.

– Мудак ты, батенька, – не выдержал Швед такого искажения исторической правды. – Ну, настоящий Полковник, – весело пропел он слова популярной песни.

– Спасибо, Петр Христофорович, – поблагодарил Булкина директор. – Это вам за непредвиденные хлопоты. – Тут в записи возникла небольшая пауза, после которой снова заговорил Нечаев. – А за месяц, если не возражаете, привезу на следующей неделе.

– Лучше всего в пятницу, – подсказал ему Булкин.

Послышался звук отворяемой двери, и удовлетворенные итогами переговоров «рыльские» убрались восвояси.

Результатом всей комбинации явился заклеенный со всех сторон объемистый пакет, уже на следующий день поступивший в канцелярию РУВД и врученный начальнику управления его секретаршей.

Вскрыв ножницами плотную оберточную бумагу, полковник обнаружил внутри две магнитофонные кассеты и отпечатанное на машинке послание. После быстрого ознакомления с текстом Булкин выпроводил секретаршу, закрылся в кабинете и включил видеомангофон.

Уже первые кадры фильма испортили полковнику настроение и участили сердцебиение, а после прослушивания аудиозаписи кровь мощной струей ударила ему в голову.

– Как мальчишку провели! – задыхаясь от негодования, воскликнул начальник управления.

Ему вдруг захотелось надавить на все кнопки селектора, объявить тревогу и бросить армию подчиненных на поиски Шведа. Но, осознав всю пагубность такого поступка, полковник растер виски, сделал несколько глубоких вдохов и взял себя в руки. Его дальнейшие размышления о премудростях оперативной работы и последствиях широкого тиражирования компроматериала привели Булкина к разумному выводу: «Да хрен с ним, с этим самоуправлением. Должность дороже стоит».

Найдя соломонино решение, он дозвонился в избирком и объявил о своем намерении снять кандидатуру.

– Сначала всех преступников посажу, а уж потом цветы и деревья. Иначе на все времени не хватит, да и народ меня не поймет, – путанно стал объяснять Булкин причину самоотвода.

Вострецов сразу все понял и мысленно ужаснулся. До той минуты полковник оставался последним независимым кандидатом.

«Если уж они начальника управления прижали, то теперь их никто не остановит», – думал он, слушая пу-

стые объяснения Булкина и поддакивая в трубку.

То, что месяц назад казалось Вострецову чистейшим бредом, в силу множества взаимосвязанных причин трансформировалось в объективную реальность, теперь уже данную ему в его же собственных очень неприятных и болезненных ощущениях. Но в том-то, согласно прапрадедушке Гегелю, и заключалась диалектика бытия.

Вдоволь наобъяснявшись с председателем, Петр Христофорович Булкин выпил горячего чая с лимоном и задумался о своем положении. А оно, по причине вечного «болтания на крючке» у будущих районных парламентариев, выглядело туманным и непредсказуемым.

* * *

Примерно через час в кабинете начальника управления появился Субботин, вызванный полковником якобы для доклада по делу профессора Вознесенского.

– Этими преступлениями, Петр Христофорович, главковская бригада занимается, – присаживаясь к столу, объяснил он начальнику. – Насколько я знаю, выходов нет. Уверен, за всем этим наши кандидаты стоят. Те, что я вам показывал.

– Возможно, возможно, – с грустью согласился Булкин, вспомнивший кадры увиденного фильма. – Что-то с ними, Георгий Николаевич, необходимо делать. Я ведь тоже сегодня свою кандидатуру снял, – признался он. – Как представил, что за одним столом придется заседать, тошно стало.

– Вы последний, – угрюмо промолвил Субботин, понимавший всю лживость его слов. – Теперь перед ними зеленая улица.

– А может, с избирателями поговорить? Рассказать им о грядущей опасности, – без какого-либо энтузиазма предложил Булкин. – Сами знаете, приказать я не могу, – он сделал небольшую паузу, – но если вы, скажем, по собственной инициативе – тогда дело другое. Посоветуйтесь с коллегами.

«Даже сейчас перестраховываешься, – подумал про себя Субботин. – Раньше надо было советоваться, а не тогда, когда за задницу взяли».

– Попробую, – вслух пообещал он. – Это уже непростое. Вы их программы видели?

Полковник помотал головой.

– Они и нам грозятся зарплату поднять. Аж в целых три раза.

Субботин извлек из папки сложенные плакаты, с виду напоминавшие театральные афиши, развернул их на столе, и Булкин углубился в изучение программ.

Первая из них – объединения «За рынок» – носила

название «Сто дней и ночей». Чуть ниже и правее заголовка менее крупно был начертан девиз: «За базар ответим!» А далее шел перечень множества неотложных дел. Причем выполнение хотя бы малой части из намеченного выводило жителей района на неведомый доселе уровень человеческого существования.

– В течение месяца искоренить в районе обшеты и обвесы покупателей. Оказывать бесплатную юридическую помощь по взиманию денег с недобросовестных должников. В скобках – в том числе заработной платы. Увеличить денежное содержание сотрудников... Так, с этим ясно. Покончить с беспределом милиции. Произвести амнистию. Повысить раскрываемость преступлений в два раза, – вслух читал Булкин пункты, относящиеся к правоохранительной сфере, но споткнулся на последнем из них. – Георгий Николаевич, какая у нас сейчас раскрываемость? – спросил он Субботина.

– По итогам девяти месяцев семьдесят два процента, – подсказал тот.

– Ишь ты, – искренне удивился полковник. – Этак мы за сто процентов перевалим.

Он вновь окунулся в параграфы «рыльской» программы, которая необычайно полно охватывала все стороны современной жизни: безработица и коррупция – с ними было обещано покончить за сто дней и ночей; разбитые мостовые и открытые чердаки, мусор во дворах и подъездах. Чиновники, торговцы, дворники,

водопроводчики, бомжи и бездомные собаки – все они по воле «рыльских» депутатов должны будут переродиться в строго отведенные им сроки.

– Превратить районный рынок в свободную экономическую зону, а район в цветущий сад, – продекларировал полковник заключительный пункт документа.

– А ведь народ поверит, – с горечью сказал Субботин.

– Да я бы и сам с радостью поверил, – признался бывший замполит Булкин, но во время осекся.

Он протер носовым платком стекла очков и придвинул к себе вторую афишу, схожую с «рыльской» по части общих задач, но отличную от первой резкой патристической направленностью.

Ее основным стержнем являлись разработанные «холуйскими» идеологами правила проживания в районе лиц неславянских национальностей. Причисленные к этой категории граждане ограничивались в правах и обязаны были платить в муниципальную казну специальный налог. В частности, им категорически возбранялось заниматься коммерческой деятельностью, иметь охотничье оружие и личный транспорт, после девяти вечера посещать увеселительные заведения, жениться на русских женщинах и вступать с ними в интимные отношения. За нарушение правил налагался крупный денежный штраф.

– Что-то, конечно, в этом есть, – осторожно ска-

зал бывший интернационалист Булкин, оторвавшись от чтения. – Только непонятно, как они собираются обманутым вкладчикам деньги возвращать? Наше следствие с этим Теймуразом Валиевым уже год бьется. И ничего.

– Десяток квартир подломают и вернут, – удивляясь беспросветной тупости полковника, ответил Субботин.

– А Севастополь?

– И Севастополь тоже вернут.

ГЛАВА 6

Чтобы как-то успокоить перепуганный кровавыми разборками электорат и перетянуть его к себе, в оставшиеся до выборов дни и «рыльцы», и «холуйцы» сосредоточились на благотворительной деятельности.

С первых же шагов на этом неизведанном для себя поприще лидерство захватили «холуйские». Уже на следующее утро после появления в районной прессе их сенсационного объявления тысячи обманутых вкладчиков акционерного общества «Пирамида Хеопса» бушевали возле дверей квартиры, снятой по указанному в газете адресу.

– Кончай базар! – гаркнул поверх голов вышедший к народу распорядитель фонда, и собравшиеся замерли в ожидании своих, казалось бы, навсегда утраченных сбережений. – Будем принимать по десять человек в день! И только жителей района! Так что составляйте списки! – прокричал он, и толпа взволнованно загудела. – Не шугайтесь! Никого не обделим! – успокоил «холуйский» представитель, сплюнул на землю и степенно удалился в офис.

И воистину, через пару часов люди соприкоснулись с одним из семи чудес света. Под вспышками фотоаппаратов первым десяти счастливицам в торжественной

обстановке вручили конверты с конвертируемыми рублями, неудачно помещенными ими в отечественную промышленность.

А в то же самое время архитектор пирамиды – некто Теймураз Валиев – томился под охраной братвы в погребе огромного загородного дома. Дрожа от пронизывающего тело холода, теплолюбивый кавказец клял себя за собственную беспечность и согревался сладостными воспоминаниями.

Два года назад деньги в заложенную тремя молодыми зодчими «Пирамиду Хеопса» текли, словно воды древнего Нила. Фирма, если верить ее уставу, занималась строительством жилья и гарантировала своим вкладчикам быстрое получение недорогих, но комфортабельных апартаментов. Отдельные, наиболее расторопные акционеры даже успели отпраздновать новоселье. Однако на всех, как и водится в подобных случаях, рассчитано не было.

Примерно через год, когда высота финансового сооружения достигла критической отметки, учредители фирмы с неподдельной грустью объявили о своем банкротстве. Благо августовский кризис послужил для этого на редкость удачным поводом.

Троица поделила вырученные в результате коммерции барыши, и каждый из них побежал от правосудия собственным путем. Компаньоны Теймураза Валиева слиняли за бугор. Сам же он, имея знакомства в право-

охранительных органах, предпочел наслаждаться жизнью в пределах русскоязычного отечества.

Вполне естественно, что оставшиеся с носом, но без квартир вкладчики принялись строчить жалобы, и городские власти вынуждены были пойти им навстречу. По факту мошенничества возбудили уголовное дело, а Валиева вызвали на допрос к следователю. Этим все, правда, и ограничилось. Обремененные знаниями правоведа так и не смогли ответить на главный вопрос Уголовного кодекса: есть ли в действиях Теймураза Валиева состав преступления или же таковой отсутствует?

В отличие от серьезных профессионалов не искушенные в тонкостях юриспруденции «холуйские» безраздумий вынесли свой вердикт. За шесть дней до обращения к общественности они подкараулили успокоенного великодушием следствия подозреваемого, пригласили его в машину и отвезли в свою загородную резиденцию.

Двое суток без еды и питья его продержали в долговой яме, а в отведенное на сон время заставляли бодрствовать посредством резиновой палки и электрошокера. На третий день его вынули из погреба и усадили перед Димой Холуйским, специально прикатившим для разговора с экзотическим узником.

– Ну, что, Хеопс херов, созрел для беседы? – добродушно поинтересовался у него «холуйский» авторитет.

– Я не виноват. Спросите у следователя, – слегка подергиваясь, словно от воздействия электрошока, ответил Валиев. – Все кризис сожрал.

– Это ты следаку мозги пудри, – не повышая голоса, посоветовал Дима. – Ты же не лох, чтоб такие бабки в деревянных держать. Да мы все и не просим, но поделиться придется. Так у нас в программе сказано. Не читал?

– Мамой клянусь, нет денег, – продолжал уверять его Валиев и пустил слезу.

– На нет и суда нет, – вмешался в разговор один из присутствующих в комнате «быков». – А нам он не очень-то и нужен, – пошутил он и громко заржал.

– Толково подметил, – одобрительно хмыкнул Дима и полоснул Валиева острым как бритва взглядом, но тот, надеясь на чудо, настойчиво продолжал бубнить про отсутствие наличности.

– Вижу, ты еще с головой не дружишь. Придется продолжить лечение, – устало промолвил Дима и махнул рукой.

По его сигналу братва подхватила Валиева, доволкла непонятливого кавказца до места заточения и мощными пинками загнала обратно в погреб.

Последующие два дня строптивного бизнесмена вновь продержали на голодной диете, подвергнув жесточайшей физиотерапии. Поэтому на очередное свидание с Димой его покрытое синяками и ссадинами те-

ло пришлось выносить на руках.

– Совсем другое дело, – придирчиво оглядев стонущего на топчане Валиева, с удовлетворением отметил Дима и освежил в его памяти тему разговора.

– Я согласен, – еле слышно прошептал Валиев разбитыми в кровь губами.

– Хвала Аллаху. Уберег тебя от могилы, – усмехнулся «холуйский» лидер и отменил пагубные для здоровья «нового египтянина» процедуры.

С тех пор обращение с узником приняло вполне цивилизованные формы, а кривая популярности объединения «За русское братство» стремительно поползла вверх.

Обеспокоенные подобным раскладом сил «рыльские» собрались на совещание.

– Сечете, как нас молокососы сделали? – спросил Замполит у коллективного разума группировки. – Учитесь. Из-под носа электорат уводят.

– Это они на «Пирамиду Хеопса» наехали. Одного «черного» неделю в подвале держат, – продемонстрировал Тайсон свою осведомленность.

– А вам кто мешает?! – повысил голос Замполит. – Шевелите мозгами! Иначе нас как лохов обуют!

После его командирского окрика присутствующие напрягли извилины, что в конечном счете дало результат. Первым заговорил Швед.

– Пора юридическую фирму открывать, – предложил

Он.

– На кой черт? – удивился авторитет.

– А ты «Сто дней и ночей» вспомни. Там об этом написано, – объяснил он и изложил свой план, шумно одобренный остальными.

* * *

Под офис новой юридической фирмы, ставшей легальным штабом объединения, был приспособлен огромный танцкласс районного Дворца культуры. По приказу директора класс заполнили мебелью и телефонизировали. С этого момента бесплатное урегулирование гражданско-правовых споров стало приоритетным направлением в деятельности «рыльских юристов».

В первые же часы после появления в газетах рекламных объявлений в двери танцкласса робко постучались истцы. Одному из них крупно задолжал сосед, более года не возвращавший сто долларов, другому – коллега по работе, а третьей – семидесятилетней старушке – собственный внук.

Дела были плевые, и дежурная группа «рыльских» с блеском удовлетворила иски, на пальцах разъяснив каждому из ответчиков пагубные последствия неплатежей.

Информация о бескорыстных и быстрых на решение судьях распространилась по всему району со скоростью слуха, что заставило Замполита увеличить число групп и перевести их на круглосуточную работу. Однако дела с каждым днем становились все более сложными и запутанными, а должники менее покладистыми. Некоторых из них приходилось вывозить за городскую черту и часами, а то и сутками склонять к чистосердечному раскаянию. Тем не менее до поры до времени механизм действовал безотказно, что способствовало оттоку гражданских дел из канцелярии районного суда.

Сбои в работе судей обнаружались лишь тогда, когда пошли заявления от бюджетников. С мелкими конторами «рыльские» еще сладить могли, и задолженности по зарплате тотчас погашались. А вот с крупными госпредприятиями обстояло значительно хуже.

Как-то, откликнувшись на коллективную жалобу трудящихся, дежурная группа братвы выехала на аккумуляторный завод.

– Ты что же, падла очкастая, деньги народу не отдаешь?! По жбану захотел?! – без предварительной раскочки наехал на директора старший, после того как «рыльские», миновав охрану, ввалились в его кабинет.

– Вы кто такие? – отойдя от первоначального шока, поинтересовался директор и придвинул к себе стоявшие на столе аккумуляторы.

– Кандидаты в депутаты. Объединение «За рынок», – представился старший и сунул ему под нос удостоверение. – Слыхал?!

– А-а-а. Бандиты «рыльские», – проявил эрудицию директор и, не давая гостям опомниться, нанес ответный удар. – А у меня «крыша» омоновская. Слыхали? Пришел момент крепко задуматься братве.

– Так что валите-ка на свой рынок. Пока ребра целы, – посоветовал директор, и, храня вынужденное молчание, «народные судьи» гуськом потянулись из кабинета.

Замполит, вскорости узнавший об этом конфузе, обругал Тайсона за отсутствие разведданных и впредь запретил братве соваться на крупные объекты.

* * *

Занимаясь чужими проблемами, «рыльские» не забывали и о пополнении собственной казны.

Неожиданным для братвы стал прием, оказанный ей на рынке. Завидев «рыльских» сборщиков, Эльдар, словно радушный хозяин, поспешил к флагманскому автомобилю и без лишних напоминаний вручил Замполиту объемистый сверток.

– Ми там от сэбя нэмного дабавыли, – расплывшись в приветливой улыбке, сказал ему старший из азербай-

джанцев.

– У вас никак Рамазан идет? – удивился Замполит.

– На вибары, – объяснил тот столь неожиданную щедрость. – А то у «халуйских» совсэм башка нэ варыт, – пожаловался Эльдар и стал пересказывать зверства, чинимые «холуйскими» в отношении иноверцев.

И хотя в «рыльскую» вотчину Дима пока не влезал, но торговцев страшила даже мысль об их возможном избрании.

– Вэсь Кавказ за вас прагаласуэт, – заверил Эльдар Замполита.

– Рад слышать, – одобрил их выбор авторитет. Он вытащил из свертка несколько увесистых пачек и вернул их Эльдару. – Организуй-ка для стариков раздачу жратвы. Бесплатно, и от нашего имени.

* * *

Помимо взыскания, долгов, «рыльская» юридическая фирма наравне с милицией включилась и в многотрудную борьбу за чистоту рыночных отношений. Там же, в танцклассе, кандидаты неотлучно дежурили у телефона доверия, готовые в любую минуту ринуться в бой с пережитками развитого социализма.

Первый призыв о помощи прозвучал от станции метро, куда тут же прикатила тревожная группа.

– Кто тут юристов вызывал?! – громко спросил старший у толпящейся возле ларьков публики и пошевелил широченными плечами.

От брезентовой палатки отделилась пожилая женщина и неуверенно приблизилась к вопрошавшему.

– Это я вам звонила, – призналась она. – Купила для внука кило бананов, а потом в магазине перевесила. Сто граммов не хватает, – объяснила пенсионерка и указала на продавщицу. – А эта бесстыжая говорит, что я их съела. Совсем совесть потеряла.

– Сама разум потеряла! – крикнула слышавшая разговор дородная торговка. – Иди отсюда, старая кляча! Не мешай работать!

Молча забрав из рук пенсионерки пакет с бананами, старший группы шагнул к столику, но почуявшая недоброе продавщица выскочила из укрытия и роскошной грудью заслонила весы.

– Не пуцу. А будете хулиганить, милицию крикну, – предупредила она, но этим не смутила «правоведов».

Старший легонько махнул рукой, и продавщица отлетела в сторону, где ее подхватили двое его помощников. Пошарив рукой под чашкой весов, он извлек оттуда круглый магнит и продемонстрировал окружающим. При виде убийственной улики продавщица попыталась вырваться из крепких объятий. Старший же принялся выдвигать из-под навеса заполненные бананами ящики.

– Что смотрите? Берите, кто сколько унесет, – призвал он народ, но тот продолжал бездействовать.

Только после повторного окрика люди робко придвинулись к палатке и стали набивать сумки связками заморских плодов, почему зря ругая продавщицу.

Та снова заверещала и судорожно задергалась в мускулистых руках телохранителей, но один из них ее мигом остудил.

– Если ты, стерва, не заткнешься, мы тебе в глотку банан засунем, – предупредил он, и продавщица на глазах увяла.

В считанные минуты весь товар был разобран. Кто-то сразу же укрылся в толпе со своей добычей, а некоторые, жуя бананы, стали дожидаться развязки.

Неизвестно откуда возле палатки объявилась милиция, и «рыльским» пришлось освободить пленницу.

– В чем дело? – спросил у нее постовой, но сломленная разоблачением продавщица предусмотрительно промолчала.

– Все хоккей, командир, – ответил за нее кто-то из братков и развернул кандидатское удостоверение. – Бесплатная выдача витаминов. К сожалению, вам не осталось, – как бы извиняясь, объяснил он.

Еще раз окинув взглядом поглощавшую витамины толпу и не обнаружив признаков правонарушения, милиционеры скрылись из виду.

Вслед за первым тревожным выездом последовали

и другие. Не обошлось без кровавого мордобоя и уничтожения товарных ценностей. Весть о «рыльских» робингодах облетела все торговые точки, и через неделю жалобы от покупателей и вовсе прекратились.

Столь стремительный успех позволил братве переключить свое внимание на проблемы жилищно-коммунального хозяйства, а району вскоре удостоиться звания «Район высокой культуры обслуживания».

* * *

Следуя предвыборным обещаниям, объединение «За рынок» отчаянно, без малейших сомнений вступило в сражение с бессмертными ЖЭУ, сломавшими жизнь многим поколениям рядовых налогоплательщиков. Общее руководство операцией возложили на Тайсона и «бригадира» по кличке Чума. Что же касается методов борьбы с этой прожорливой гадиной, то они мало чем отличались от прежних, превосходно оправдавших себя в ходе предвыборной кампании.

Перед началом рабочего дня Тайсон и Чума повстречали возле здания администрации влиятельного чиновника по фамилии Прутиков, отвечавшего в районе за данное направление.

Стоило тому покинуть служебную «вольво», как перед ним возникли улыбающиеся «рыльские» стратеги.

Назвав себя и дружески похлопав Пруткува по спине, они в нескольких словах наставили его на путь истинный и изложили свои требования.

– Мужики, да как же я их всех работать заставлю, – промямлил растерявшийся Прутиков. – Зарплата у них маленькая, а партбилетов не стало.

– Мы поможем, – успокоил его Тайсон, имевший опыт общения с чиновниками столь высокого ранга. – У нас не забалуешь. Твое дело жилконторы предупредить. И не менжуйся, это только до выборов. Сам понимаешь, голоса нужны позарез. А после – договоримся.

Большинство руководителей эксплуатационных участков были людьми рассудительными и не спешили до срока очутиться по воле районных кандидатов в реанимации или, чего хуже, в морге. А посему работа по благоустройству жизни рядовых граждан понеслась полным ходом.

До самого дня голосования сотни неизвестно откуда появившихся дворников вылизывали свои участки, красили ограды и детские качели, а по ночам намывали заплеваннные лестницы, попутно снаряжая замками двери чердаков и подвалов. Все это напоминало один непрекращавшийся коммунистический субботник.

Мусороуборочные машины непрерывно меняли контейнеры, стекольщики вставляли отсутствующие в подъездах стекла, а газовщики, сантехники и тараканоморильщики сновали по квартирам, назойливо пред-

лагаая жильцам перечень бесплатных услуг.

Сотни маляров и штукатуров, вооружась нехитрым инвентарем, скоблили и мазали обшарпанные стены домов, придавая им товарный вид, а асфальтоукладчики латали нетрогаемые годами канавы и рытвины. И даже бессчетное количество нарядных урн волшебным образом украсили улицы и площади района.

Избиратели, видя происходящие на их глазах перемены, трепетали от счастья. Тем не менее придиричивые «рыльские» контролеры не расслаблялись и продолжали денно и нощно объезжать вверенные им участки, строго следя за тем, как претворяются в жизнь их замыслы.

Доставалось во время инспекторских проверок лодырям и пьяницам. Предупредив о последствиях рецидива, им на первый раз по обыкновению «чистили рожу». Но и этого было достаточно, чтобы поддерживать трудовую дисциплину на высоком уровне.

Дима Холуйский не мог снести такого громогласно го успеха конкурентов и попытался вклиниться в этот приносящий огромные дивиденды процесс.

Следуя его указаниям, ударная группа «холуйских» нагрянула на подконтрольную им ТЭЦ, где круто «наехала» на директора. Тот долго не сдавался, и братве для подтверждения серьезности своих намерений пришлось обнажить ствол и выстрелить в подвесной потолок его кабинета. Лишь вид пулевой пробоины и за-

пах гари охладили директорский пыл, и к вечеру, хотя столбик уличного термометра показывал всего минус четыре по Цельсию, в тысячах батареях отопления зажурчала горячая вода.

Слава о двух кандидатских объединениях, олицетворявших собой будущее местного самоуправления, перешагнула границы района, а фотографии их лидеров украсили первые полосы газет. В отдельных статьях звучали, правда, и осторожные намеки о связи кандидатов с криминалом, но это мало трогало привыкших к подобным оговоркам читателей. «Да и кто в наше время с ним не связан?» – здраво рассуждали они и отправлялись за покупками в воспетый журналистами уголок честной и свободной торговли.

Подскочившая в народе популярность несколько вскружила Замполиту голову, и у него вдруг возникло желание увековечить свое имя. Для этого он выделил из общака требуемое количество денег, и за несколько суток рабочие вымостили плиткой часть тротуара возле Дворца культуры.

Одновременно с торжественным открытием «Тротуара» стену здания украсила отлитая из бронзы доска. «Этот участок города благоустроен на средства Антона Борисовича Пискарева и объединения „За рынок“» – было высечено на ней золотыми буквами.

Не оставил Замполит без внимания и правоохранительные органы, направив в адрес районного управле-

ния милиции денежный перевод на тридцать тысяч рублей.

Получившая его на почте секретарша полковника Булкина вместе с банкнотами передала шефу и почтовую карточку с сопроводительным текстом: «Спонсируем деньги на празднование Дня милиции. Поздравляем всех сотрудников. Кандидатское объединение „За рынок“». Столь дерзкое послание вернуло Петра Христофоровича к неприятным воспоминаниям, и он тотчас покрылся испариной. Однако, философски взглянув на вещи, он успокоился, не спеша пересчитал деньги и спрятал их в сейф.

* * *

А уверовавший в окончательную победу Замполит позволил себе расслабиться и отвлечься от политических забот. Как-то около десяти вечера он подъехал к ресторану, где пал от рук «холуйских» его водитель, забрал истосковавшуюся по нему Марину и увез.

Спустя несколько часов, во время очередного антракта, Марина в накинутом на плечи халатике сидела на постели и делилась с возлюбленным переживаниями.

– Чувствую, скоро ты меня бросишь, – с грустью сказала она и затянулась сигаретой.

– Ты что, травы обкурилась? – с обычной для себя нежностью успокоил ее лежавший рядом Замполит, но Марину его слова не убедили.

– Ты ведь таким знаменитым стал. Тебе теперь другая женщина нужна, – как бы рассуждая вслух, продолжала она. – Я это сама знаю.

– Дура, – вторично успокоил ее Замполит. – Это все для понта. Дай только депутатами стать.

Они задумались каждый о своем.

– А хочешь, я женюсь на тебе? – неожиданно предложил Замполит, но Марина не откликнулась. – Точно! После выборов свадьбу сбацаем, – подтвердил он решение и притянул к себе продолжавшую молча курить избранницу. – А потом и наследника сварганим. Отвечаю за базар.

ГЛАВА 7

Наблюдая за стремительно хорошеющим обликом родного района, многие жители в одночасье поменяли свои взгляды и политические пристрастия. Словно и не было тех недавних, леденящих их сердца кровавых событий, а зловещие слухи о «рыльских» и «холуйских» бандитах являлись всего лишь детской страшилкой. Поэтому просветительская кампания, нелегально проводимая милицией по призыву Субботина, с самого начала была обречена на провал, а сотрудников, пытавшихся предостеречь людей и развенчать их брито-головых кумиров, перестали пускать на порог.

– Что вы нас запугиваете? – не реагируя на их доводы, возмущались граждане, едва высунувшись из квартир. – Да пусть они хоть трижды бандиты. Можно подумать, нынешние лучше? А эти за месяц больше сделали, чем вы за всю вашу хваленую перестройку. – И они хлопали дверьми.

Такое изменившееся отношение к братве повергло здравомыслящих людей в состояние невротической депрессии.

«Ради чего мы здоровье гробим, если им всем начхать? И в чем тогда смысл милицейской работы? Чтобы этим отморозкам служить?» – подобные вопросы

не давали покоя и Субботину, мешали ему сосредоточиться и снижали трудовой энтузиазм.

Он сидел за пишущей машинкой и, отгоняя назойливые мысли, пытался сконцентрировать внимание и допечатать план работы отдела на следующий месяц. Известно, что милицейский коллектив не может эффективно бороться с преступностью без этого основополагающего документа, и Субботин за годы службы набил себе руку в их изготовлении. На этот раз дело не ладилось. Споткнувшись на разделе «Борьба с коррупцией и организованной преступностью», он безуспешно бился с ним уже целый час. Лишь телефонный звонок прервал его бесплодные муки.

– Георгий Николаевич, здравствуйте, – послышался в трубке голос жены профессора Вознесенского. – Сегодня утром Степан Яковлевич вернулся, – радостно проинформировала она.

Субботин напрягся. Не дожидаясь подробного рассказа, торопливо выдернул из машинки злополучный план и кинул в ящик стола.

– Через десять минут буду у вас, – пообещал он Анне Сергеевне и положил трубку.

Перед ним вдруг забрезжила надежда. Что, если повезет и удастся зацепиться за кончик этого необъяснимого похищения? А там уж видно будет.

Накинув куртку, он спустился в дежурку, окликнул водителя и помчался на Турбинку.

Светящаяся от счастья Анна Сергеевна распахнула перед ним дверь и повела на кухню, где был накрыт чайный стол.

– Что это виновника торжества не видать? – садясь на предложенный ему табурет, поинтересовался Субботин.

– В ванной отмокает. Жалуется, что месяц не мылась, – объяснила хозяйка и принялась разливать чай.

– Где же он пропадал? – размешивая сахар, спросил Субботин.

– У депутатов в плену, – невозмутимо ответила Вознесенская и придвинула ему вазочку с черничным вареньем. – Я его с помощью нашего соседа Кузякина за тысячу долларов выкупила. Кузякина помните? – хитро прищурившись, спросила она.

Субботин перестал размешивать чай и молча уставился на собеседницу. Уж ему ли не помнить бизнесмена Кузякина и других жильцов подъезда? Около двух лет назад, доведенные до отчаяния, они заказали киллеру поселившегося на их чердаке бомжа. И хотя по ряду причин убийство не состоялось, но лишь благодаря Субботину, пожалевшему этих издерганных жизнью людей, их миновала судебная кара. Тем временем Анна Сергеевна, не обращая внимания на его молчание, продолжала делиться новостями:

– Сначала Кузякин через свою «крышу» все разведдал. А после с этими бандюками сторговались. При-

шлошь украшения свои продать, кольцо обручальное и шубу из нутрии. Все равно не хватило. Спасибо, соседи помогли. Тот же Кузякин одолжил триста долларов.

– Что же вы мне не сообщили? – выйдя из оцепенения, спросил Субботин.

– Они предупредили, чтобы никакой милиции. Иначе ему хана. Да он сам все расскажет, – объяснила Анна Сергеевна и заговорила о проживавшем за границей сыне, которого также не ставила в известность, дабы оградить его от волнений и ностальгических воспоминаний о Родине.

Наконец, минут через двадцать, из ванной показался отмывшийся Степан Яковлевич. Его свежесбритое лицо сильно осунулось, волосы окончательно поседел, но ясность ума и крепость духа, судя по всему, он не утратил.

– Чудом уцелел, – довольно-таки бодро доложил он майору при дружеском рукопожатии. – Спасибо Аннушке и соседям.

– Вы хоть кого-нибудь опознать сможете? А место заточения найти? – накинулся на него Субботин с профессиональными вопросами, но профессор поверг его в уныние.

– Что вы, Георгий Николаевич. Они меня так молниеносно в машину запихнули, что я никого и не разглядел. Сразу мешок на голову, руки связали и уложили на заднее сиденье. Если, говорят, пикнешь, прибьем, –

подсев к столу, начал вспоминать Вознесенский. – Потом везли, и только в чулане какого-то загородного дома освободили. Так я в этом чулане, как Диоген в бочке, и просидел. Спал на раскладушке, по нужде в соседнее помещение водили.

– Неужели лиц не запомнили? – прервал его майор.

– Нет, – развел руки профессор. – Лица под масками скрывали.

– Так на кой же черт вы им понадобились?! – не выдержал Субботин.

– Требовали, чтобы я для них предвыборную программу написал.

– Мать честная... Дожили.

– Я ведь сначала отказывался, даже голодовку объявил. Несмотря на угрозы. А потом обдумал и решил, все равно другого найдут. И такой им ахинеи понаписал. «Сто дней и ночей». Пусть, думаю, все увидят, что это шарлатаны.

– Так вот, оказывается, кто автор?! Ну и ну! – воскликнул Субботин. – Степан Яковлевич, да вы идеалист! И соотечественников переоцениваете! Кстати, вашу программу успешно в жизнь претворяют. Согласно бандитской методике. Осталось только район в цветущее кладбище превратить. Но это, думаю, ближе к лету. И главное, народ их готов на руках носить. Можете у Анны Сергеевны поинтересоваться, – кивнул он в сторону Вознесенской. – Только через неделю весь этот во-

девиль закончится и начнется подлинная драма.

– Что же делать? – спросила молчавшая до того Анна Сергеевна.

– Не знаю, – нахмурившись, признался Субботин. – Ждать расплаты за легкомыслие. Ну и всеобщего просветления мозгов, – подумав, добавил он.

– Я ведь не смерти боялся. Уверяю вас, Георгий Николаевич, – снова заговорил профессор. – Я и не рассчитывал, что меня выпустят. Даже после этой идиотской программы. Меня ведь только благодаря одному человеку в живых и оставили.

– Тому, что накануне похищения звонил? – спросил Субботин, и профессор нехотя кивнул. – А именем его можно поинтересоваться?

Второй вопрос Степан Яковлевич оставил без ответа. Он молча поднялся с табурета, встал у окна и принялся разглядывать тусклый ноябрьский пейзаж с голыми деревьями и дворниками, сгребавшими в кучи мокрую листву. Его не отвлекали. Анна Сергеевна вошла, дразнила на плиту остывший чайник, а получивший разрешение, Субботин с наслаждением закурил.

– Не могу. Даже вам не могу, – не отрываясь от окна, сказал профессор. – Меня потому и отпустили, что я слово дал.

– Вы с ним встречались?!

– Утром, перед тем как меня в город повезли, – признался Вознесенский и с извиняющимся видом вернул-

ся к столу.

Данный факт являлся неоспоримым доказательством вины скрываемого человека, но без официальных показаний профессора не имел для следствия никакой ценности. Субботин это знал. Чувствовал он и состояние бывшего пленника. Действуя больше по инерции, он еще попытался убеждать Вознесенского, но тот на компромисс со своей совестью не шел.

– Знаю, что лишаю вас всяческой перспективы, но прошу и меня понять. Даже если к следователю вызовут, о нем не обмолвлюсь, – предупредил он. – Лучше агитировать буду против них денно и нощно.

– Да кто вас теперь слушать будет, – махнул рукой Субботин. – Еще и побьют.

Полный несбывшихся надежд, он вернулся в отдел и пересказал услышанное Ковалеву, только что приехавшему из прокуратуры. Но и тот в свою очередь ошарашил Субботина сенсационным известием.

– Ты только сохраняй хладнокровие, – предупредил он. – Час назад наша прокуратура Замполита и Диму на трое суток упрятала.

Теперь пришло время удивляться Субботину.

– За что?!

– По подозрению. Подробности не знаю. Они там все как угорелые носятся. Слова не вытянешь, – объяснил Ковалев.

Обсудив с замом возможные варианты, Субботин

позвонил Голубеву – руководителю главковской группы, работавшей по этим преступлениям, и договорился о встрече. Его группа из одиннадцати оперов базировалась в райуправлении, и уже через полчаса Субботин был там.

Укрывшись за пеленой сигаретного дыма, старший опер главковского «убойного» отдела Максим Голубев восседал за шахматной доской и норовил загнать в угол оставшегося без подданных вражеского короля. Сгрудившиеся вокруг опера подтрунивали над играющими, давали советы и вдохновляли обреченного на проигрыш коллегу.

– До чего ж нахальная молодежь пошла. Сдаваться не хочет, – пожалв Субботину руку, пожаловался Голубев на соперника. – Покури, Николаич. Сейчас я его обматерю и за пивом отправлю.

Субботин устроился на диване в углу кабинета и погрузился в раздумья. Наконец под дружные вопли сыщиков партия завершилась. Проигравшему торжественно вручили огромную сумку и изгнали в ближайший магазин. Победитель же присоединился к Субботину, поведавшему ему о возвращении профессора.

– Жаль, что назвать не хочет, – искренне посетовал Голубев. – Хоть кого-то могли посадить.

– Я слышал, вы и без того «цвет района» в камеру отправили? – спросил Субботин, но Голубев поморщился.

– Максимум на три дня. Да и то еле прокуратуру уломали. Доказательств нет, одни голые соображения, – признался он. – Потерпевшие, сам знаешь, одно и то же твердят: было темно, никого не запомнили, раньше никто не угрожал. А по убийствам вообще полный ноль. Братву потаскали для порядка. Чтобы бумаг в дела накидать.

– По-нят-но, – разочарованно протянул Субботин. – Тогда на хрена задерживали?

– А чтобы задницу свою перед общественностью и родными начальницами прикрыть. Иначе после выборов нас же крайними и сделают. Из-за вас, скажут, они в депутаты проскочили. Вот если бы вы свои «глухари» вовремя раскрыли, этого бы не произошло, – передразнивая высокое начальство и представителей общественности, объяснил Голубев. – Так хоть будет чем отбиваться...

* * *

В тот момент, когда лидеры объединений валялись на нарах изолятора, а их адвокаты искали пути для освобождения своих клиентов, в районную администрацию позвонили из канцелярии губернатора.

Девять дней назад район за культурное обслуживание населения был награжден переходящим вымпелом.

лом, украсившим кабинет главы исполнительной власти Станислава Викторовича Шустова. И вот очередной за месяц успех. Знамя победителя городского конкурса-смотря, проводимого под девизом «В новый век с чистыми улицами». Шустов чувствовал себя на вершине чиновничьего счастья.

Он пригласил начальника управления торговли и поделился с ним общей для всех радостью.

– Завтра в пять приедут вручать. Сам вице-губернатор. Так что подсуетись насчет презентации человек на шестьдесят, – распорядился Шустов.

– Здесь или в ресторане? – уточнил тот.

– Давай здесь, в привычной рабочей обстановке. Оно как-то демократичнее, – слегка призадумавшись, ответил Шустов. Он вынул из бумажника пятисотрублевую купюру и протянул ее шефу торговли. – И отправь кого-нибудь за армянским, знамя обмыть. Только самопальный не бери, – машинально предупредил он, но, опомнившись, махнул рукой. – Нашел кого учить. Ты и так лучше меня все знаешь.

Станиславу Викторовичу Шустову шел сорок второй год, и каких-то десять лет назад он протирал штаны за чертежной доской проектного института, не помышляя о столь феерической карьере. Но волна демократических перемен выплеснула его из стен института, покачала, покачала да и забросила в кресло депутата районного совета. «Надо ловить миг удачи. Иначе сгни-

ешь за этой чертовой доской, – ступая на политическую тропу, рассуждал тогда еще инженер Слава Шустов. – А чем я меньше других демократ? В партии не состоял, на „Правду“ принципиально не подписывался, диссидентов и евреев не трогал и даже прочел в студенческие годы самиздатовский роман Булгакова».

И действительно, он был не меньшим демократом, чем многие другие, хотя и слабо разбирался в политике, экономике и вообще в какой-либо практической деятельности. Зато говорить он умел и любил, этот природный свой дар до блеска отшлифовал в разноплановых дискуссиях, ' за что коллегами по депутатскому цеху был избран председателем. Когда же после известных октябрьских событий, завершившихся многомиллионным ремонтом Белого дома на Краснопресненской набережной в Москве, Советы приказали долго жить, Станислава Викторовича Шустова назначили главой районной администрации. Пришлось наспех постигать основы хозяйствования и посещать по вечерам какие-то курсы, но вместе с тем пришла к нему и реальная власть, а что самое приятное – бюджетные деньги.

Он быстро пообтерся и освоился в новой для себя обстановке, на ходу обрастая знакомствами и овладевая рычагами управления массами и чиновничьим людом. Потекли к нему и вожделенные жизненные блага. Теперь же, после пяти лет своего правления, Шу-

стов чувствовал себя переростком, мечтал о кабинете в Смольном, и полученные районом награды повышали его шансы на переезд.

Разумеется, Станислав Викторович был прекрасно осведомлен, чьими стараниями завоеваны почетные трофеи и кому он обязан своим нынешним триумфом. До этого дня его отношение к местной братве прошло в своем развитии несколько промежуточных этапов.

Он раньше слышал о «рыльских» и «холуйских» бандитах. Знал он и клички главарей. Однако каких-либо неудобств администрации они не доставляли, поэтому он расценивал их существование как некую неизбежность, продиктованную временем. «Не одни, так другие. И никуда от этого не денешься, – размышлял он. – В конце концов, пусть милиция разбирается».

Неожиданное появление братвы среди кандидатов заставило Станислава Викторовича отнестись к ней внимательнее, ознакомиться с предвыборными программами и выяснить подлинные имена и биографии ее лидеров. Программы, и в особенности массовый отток остальных претендентов, сопровождавшийся взрывами, убийствами и другими преступлениями, вызвали у Шустова мощнейший стресс и отбили желание вступать в избирательную кампанию. «Мне вроде как и по статусу не положено. А потом, Бог его знает, сегодня он будто бы бандит, а завтра бизнесмен или публичный политик, – оправдывал он себя. – Говорят же

знающие люди, что все идет по закону первоначально-го накопления капитала. К чему тогда экономические законы нарушать? Да и милиция их не трогает».

Но вскорости стрельба стихла и начались сказочные метаморфозы. О проводимых в районе новациях заговорили по всему городу, а лучи внезапно вспыхнувшей славы высветили и Станислава Викторовича. В печати и в кулуарах Смольного Шустова стали называть руководителем новой волны, смело внедряющим нетрадиционные методы работы. И ведь как ни крути, а результаты были налицо.

«А что, молодцы парни. Пообещали – сделали. Энергии хоть отбавляй. Если бы еще не стреляли, им бы цены не было. Ну и с этническим вопросом слегка перебарщивают. А в остальном... И главное, народ их уважает. Не то что моих старперов, – размышлял Шустов в ожидании армянского коньяка. Его отношение к братве вступило в заключительную стадию. – Я бы кого-нибудь из них хоть сейчас на „коммуналку" поставил. Вместо Прутикова. Или еще куда. Да на ту же торговлю и экономическое развитие. И горя бы не знал, – мысленно рисовал он себе возможные перспективы сотрудничества. – Пусть депутатами станут. Тогда никто их бандюками не назовет. И меня не обвинят в связях с криминалом».

Определившись в отношении к будущим избранникам, Шустов решил установить контакт с их лидерами.

Он соединился с начальником РУВД, попросил полковника разыскать Антона Пискарева и Дмитрия Клинина и пригласить их от его имени на церемонию вручения знамени. Булкина после такой просьбы передернуло, он потерял дар речи, и в разговоре возникла незапланированная пауза.

– Чего умолк? Завидуешь? – поинтересовался Шустов. – Есть чему. Как они вам с «Пирамидой Хеопса» нос утерли!

– Их не надо искать, они... в изоляторе временного содержания, – выдавил из себя полковник, как только к нему вернулась способность говорить. – Прокуратура... наша... задержала.

Не став выяснять причину задержания, Станислав Викторович оборвал связь. «Очень жаль», – положив трубку, произнес он вслух. Это непредвиденное обстоятельство рушило все его планы и логические построения.

В течение следующего часа он не думал о братве и потреблял коньяк в кругу приближенных. Но вскоре шоколад и лимоны были съедены, бутылки опустели, и подчиненные нехотя разбрелись по кабинетам. Оставшийся в одиночестве Шустов расслабленно вытянулся в кресле и вновь вернулся к мыслям о перспективных союзниках.

«Все же надо поподробнее о них разузнать. В жизни всякое бывает...» – и он позвонил районному прокуро-

ру. Тот в точности подтвердил ему слова Булкина.

– А что стряслось, Станислав Викторович? – осторожно спросил прокурор, и Шустов рассказал ему о намеченной презентации.

– Думал их позвать. Как-никак они тоже причастны, – объяснил он. – Но раз такое дело...

– Наслышан, наслышан, – пропел собеседник. – Если честно, я бы и не стал их задерживать. Все равно доказательств нет. Да опера с Литейного упростили. Хотите, завтра утром их выпустим? – уловив желание главы, предложил он.

– А разве можно? – осторожно поинтересовался Шустов и тут же словно улитка спрятался в раковину. – Нет, если, конечно, это закону противоречит, то ни в каком случае...

– Не противоречит, – успокоил его прокурор. – Какая разница. Днем раньше, днем позже. Меня и самого звонками замучили. Возмущенные жители района. Требуют немедленно их освободить, грозятся организовать пикетирование, – пожаловался прокурор. – Сейчас следователю поручу, чтобы документы подготовил.

– Спасибо, – тихо поблагодарил Шустов.

– Ну что вы, Станислав Викторович. Мы же призваны надзирать за законностью. Я, кстати, тоже хотел вам звонить, но все не решаюсь. Вы как-то на совещании обещали нам на ремонт деньги выделить, – воспользовавшись подходящим моментом, напомнил прокурор.

– Выделим. Сегодня же распоряжусь.

– И следователю моему квартиру обещали. Толковый парень, а мается с женой и двумя детьми в общежитии.

– В течение месяца подберем, – заверит Шустов и попросил передать Пискареву и Клинину его приглашение. – Завтра к семнадцати в моем кабинете. Вас я тоже жду.

На следующее утро тот самый толковый следователь, что так долго маялся в общежитии, объявил сначала Замполиту, а затем и Диме Холуйскому об их досрочном освобождении. Переданное следователем приглашение главы заинтриговало авторитетов, связавших с этим свое освобождение и потому решивших им не пренебрегать.

Замполит, получив изъятые у него вещи, вызвал по мобильнику авто и отправился в штабную баню, где оставшееся время вдыхал березовый аромат и восстанавливался после бессонной ночи.

Дима же по дороге из изолятора завернул в кабак и пропустил три рюмки водки, а затем, не заезжая домой, покотил в салон за покупками.

Оба находились в состоянии приятного ожидания.

ГЛАВА 8

До начала торжественной церемонии оставались считанные минуты, а продрогший на холодном ноябрьском ветру Станислав Викторович Шустов все еще маячил возле парадного крыльца районной администрации в ожидании сановных гостей из Смольного.

Наконец на площади у триумфальных ворот показались одна за другой три черные «Волги», заложили крутой вираж и, скрипя об асфальт импортными покрышками, остановились.

Шустов без промедления подскочил к головной машине, помог грузному по комплекции вице-губернатору выбраться с заднего сиденья и повел его внутрь здания. Члены делегации потянулись следом, неся с собой завернутое в брезентовый чехол знамя.

В то же самое время к входу лихо подрулили Дима и Замполит. Оба были в костюмах-тройках, белоснежных рубашках и при галстуках.

Завидев удалявшихся чиновников, авторитеты, не мешкая, покинули иномарки и скромно пристроились в хвосте колонны.

Процессия поднялась на второй этаж и по длинной ковровой дорожке проследовала в огромный кабинет Шустова, где растянувшиеся вдоль стен приглашен-

ные обозначили их появление разрозненными хлопками.

Поприветствовав собравшихся, Станислав Викторович и вице-губернатор вышли на середину, и последний, едва отдышавшись от ходьбы, затянул поздравительный спич, продолжавшийся двадцать с лишним минут.

Бывший флотский офицер, волей обстоятельств оказавшийся в городском правительстве, вице-губернатор так и не смог изжить в себе любовь к бом-брам-стенгам, клотикам и шпигатам и в шутку называл себя старпомом Смольного. Поэтому речь его изобиловала морскими терминами и сравнениями, что, несомненно, придавало ей дополнительную красоту и образность.

Район предстал перед застывшими в ожидании фуршета слушателями могучим ледаколом, сквозь торосы и паковые льды прокладывавшим путь остальным кораблям питерской эскадры. Его сплоченная команда денно и нощно несла на мостике полярную вахту, драила палубы и устраняла возникавшие неполадки, а флагманский штурман – Станислав Викторович Шустов, невзирая на сложные погодные условия, вел корабль единственно верным курсом.

После такого плавания по заснеженному океану в окружении белых медведей, дворников, сантехников и покрытых инеем батарей отопления вице-губернатор почувствовал, что внимание к нему окружающих стало

ослабевать и все уже не прочь согреться. Поэтому, дабы окончательно не переохладить людей, он протянул руку, и помощник вложил в нее древко освобожденного от брезента знамени.

– Так давайте же встретим новый век и с чистыми палубами, и с незапятнанной, как арктический снег, совестью! – ни к селу ни к городу брякнул он в финале и под объективами фото – и видеокамер вручил штандарт главе районной администрации.

– Пора тебя к себе забирать, – обнимая Станислава Викторовича, громко сказал вице-губернатор, и Шустов расплылся в признательной улыбке.

Поблагодарив городские власти за оценку их скромного труда, Шустов заверил, что район с выбранного курса не сойдет и рано или поздно выведет всю эскадру на чистую воду.

Он бережно передал знамя начальнику управления торговли, а сам взял со стола две почетные грамоты.

– За весомый вклад в наведение чистоты и порядка в районе награждается Антон Борисович Пискарев! – громко зачитал он отпечатанный на машинке текст и взглянул на присутствующих, но никто из них не шелохнулся.

Шустов еще раз окликнул «рыльского» авторитета, и только тогда отвыкший от своего мирского имени Пискарев-Замполит «въехал в тему» и выбрался из-за спин.

Вслед за ним украшенную двуглавым орлом индустриальную гонимую получил и Дмитрий Кузьмич Клинин.

– Наши активисты... Из общественности, – тихо объяснил Шустов вице-губернатору, и тот одобрительно кивнул.

На этом, ко всеобщей радости, с протокольной частью было покончено, и гости, пошатываясь, словно спустившиеся на берег матросы, перебрались в зал заседаний, где их взорам открылись полтора десятка ощерившихся бутылками столиков.

Обласканные властью авторитеты вели себя на удивление дружелюбно и даже совместно расположились за одним из них, где по случайному совпадению компании им составили председатель районного суда и прокурор. Однако ни Дима, ни Замполит не имели чести знать их в лицо, а потому нисколько не комплексовали и по-хозяйски взялись за бутылки.

После первых программных тостов, сопровождаемых характерным позвякиванием посуды и отдельными возгласами, презентация потекла широко и вольно, не скованная более жесткими рамками сценария.

Засунув в карман пиджака сложенную вчетверо грамоту, Замполит высвободил себе руки и, вкушая красное сухое вино, с любопытством рассматривал окружающих.

В отличие от него Дима на первой стадии чувствовал себя неуютно. Причиной тому были купленные за

Четыре часа до церемонии галстук и костюм: подобный наряд он не надевал со дня окончания школы. Дима мотал головой, словно бык в ярме, глотал водку и зажевывал ее бутербродами. Наконец, когда счет выпитых рюмок перевалил за полдюжины, дискомфорт сам по себе исчез, а во взгляде его появилась прежняя наглость и уверенность.

Откуда-то к ним приблизилась упитанная блондинка лет тридцати, одетая в черные джинсы, толстый вязаный свитер и башмаки на невероятной платформе.

– Лариса, редактор кабельного районного телевидения, – представилась она и по-мужски пожалала руку каждому из лауреатов.

– Это что, программа для кобелей? – хохотнув, поинтересовался Дима, однако редакторша даже не улыбнулась.

Отсутствие у нее чувства юмора не смутило «холуйского» предводителя. Налив гостье шампанского, он предложил чокнуться за «арктический снег» и «чистые палубы». После недолгих уговоров Лариса сдалась, но попросила заменить шампанское на водку.

– Я ведь к вам по делу, – поставив опустошенную рюмку, сухо сказала она. – Через пять дней выборы, и зрители желают определиться, кому из вас отдать голоса. Мы решили им помочь и устроить теледебаты. Что скажете, господа?

Вместо ответа лидеры избирательных объединений

переглянулись, а Замполит пробурчал что-то невнятное со словом «мать» на конце фразы.

– Это и в ваших интересах. Лишняя возможность показаться людям, – словно не замечая их смятения, пояснила Лариса. – А то, знаете ли, всякие слухи ходят. Ну так как?

И вновь ответа не последовало, поскольку в этот момент на сцену из-за какой-то потаенной двери выбрался вокальный квинтет, привлечший к себе всеобщее внимание.

Четверо музыкантов в разноцветных футболках и узких блестящих штанах стали устраиваться за инструментами, а неопределенного возраста солистка в короткой юбчонке подошла к микрофону.

– Ха! Знакомые лица! – присмотревшись к артистам, воскликнул Дима. – Да они же у меня в кабаке подъедаются. И на митинге «Рок в поддержку Севастополя» пели, – похвалился он Ларисе. – Может, помнишь? «Трам-там-там, Севастополь не отдам», – прогнусавил он, постукивая по столу мельхиоровым ножиком.

Тем временем длинноволосые музыканты нахлобучили на свои шевелюры бескозырки с лентами и обмотали шеи синими матросскими воротниками. Ударник повернул к себе микрофон и в привычной манере выкрикнул: «А сейчас для нашего дорогого гостя из Смольного мы исполним любимую песню питерских моряков!»

В притихшем зале заседаний прозвучали первые трогательные аккорды, солистка разверзла уста и запела хорошо прокуренным меццо-сопрано.

При звуках мелодии своей молодости сердце вице-губернатора дрогнуло, и он, подхватив оказавшуюся поблизости начальницу отдела по распределению жилой площади, вывел ее на середину. К нему со своей секретаршей присоединился и Станислав Викторович Шустов. Площадка стала быстро заполняться танцующими.

Засидевшийся на месте Дима тоже взял было за руку прилипшую к ним как банный лист редакторшу и потянул ее к сцене, но Лариса, помнившая об ответственности перед телезрителями, так просто не поддалась.

– Так как насчет дебатов? – упираясь всем своим весом, снова напомнила она.

– Ладно, уболтала. Банкуй, – не выдержал и дал слабину Дима.

– А вы? – обратилась она к Замполиту.

– Дебаты так дебаты, – проворчал тот и полез в карман за сигаретами.

– Послезавтра в девятнадцать у нас в студии. Только попрошу не опаздывать. Адрес здесь написан, – с этими словами она сунула им визитки и только тогда позволила себя ангажировать.

В это время солистка уже дошла до припева и передала песенную эстафету своим аккомпаниаторам, а

сама принялась помахивать перед их лицами носовым платком.

Прощай, любимый город,
Уходим завтра в море,
И ранней порой мелькнет за кормой
Знакомый платок голубой, –

Плавно раскачиваясь в такт музыке, хором грянули музыканты и окончательно, до слез растрогали вице-губернатора.

Дима после финального па вернул партнершу к столу, выпил с ней еще по одной и начал со смехом вспоминать о своей несложившейся карьере судостроителя.

– Прошу прощения, молодые люди. Хочу вас слегка потревожить, – раздался у них за спинами твердый мужской голос. Дима и Замполит разом повернулись и увидели перед собой главу администрации Шустова. – Думаю, девушка на меня не обидится? – вежливо улыбаясь, обратился он к Ларисе, и та в мгновение ока исчезла.

По приглашению Шустова авторитеты покинули зал и, следуя за главой, очутились в крохотной приемной.

– Надеюсь, довольны? – усаживаясь на скамью для посетителей и закуривая, поинтересовался у них Станислав Викторович.

Дима и Замполит последовали его примеру и тоже закурили.

– Это вы нас из изолятора вытащили? – не опускаясь до фамильярности и соблюдая приличествующую дистанцию, начал Замполит с мучившего его вопроса

– Мне подумалось, зачем понапрасну государство обедать. Да и для района больше пользы, – высказался Шустов. – Или я ошибаюсь?

Станислав Викторович выжидающе посмотрел на собеседников, и по тому, как ослабели в улыбке Дима и Замполит, стало ясно, что они безоговорочно разделяют его убеждения.

– Значит, не ошибаюсь, – с удовлетворением отметил глава. – Тогда раскрою карты. Хватит вам ларьки трясти да стариков обижать. Так и в самом деле рано или поздно в тюрьме окажетесь.

– Это милицейская клевета, – попытался возразить Дима, но Шустов пропустил его замечание мимо ушей.

– Пора бы поумнеть, – продолжал он. – Есть у меня на вас и ваших ба... – тут Станислав Викторович осекся, – бойцов, – подобрал он более благозвучный синоним, – некоторые виды. Хочу вас привлечь.

– За что? – одновременно вырвалось у обоих лидеров.

– Не за что, а к чему. К работе районной администрации привлечь. Потому как мои не тянут. Нет у них ни силы, ни воли. У вас с этим, судя по всему, полный

ажур, – принялся объяснять Шустов. – Могу для начала экономическое развитие, «коммуналку», спорт и торговлю поручить. Вам это знакомо. Дальше посмотрим. Но только после того, как депутатами станете. Теперь все ясно?

Не ожидавшие такого расклада авторитеты замерли. «Главное, вписаться, а уж там мы этого „штурмана" подомнем», – молнией пронеслось в голове Замполита, который после незначительного замешательства дал согласие. Дима же начал привередничать.

– Нам-то с того какой навар? – поинтересовался он.

– Взаимовыгодный, – поморщившись, отчетливо произнес Шустов. – Мало того, что в деньгах выиграете, себя от будущих неприятностей оградите. И ребята ваши без дела не засидятся. Ты пораскинь умом.

Перед такими весомыми аргументами Дима не устоял и вошел в тройственный союз.

– Я знал, что мы поладим. Мыслящие люди всегда друг друга поймут. Давайте с выборами побыстрее закругляйтесь, прошу, не палите вы из оружия, а то народ нервничает, – выбросив в форточку окурок, напутствовал их Шустов и поспешил к оставленному им без присмотра вице-губернатору.

Вернувшись к столу, погруженный в раздумья Замполит налил себе полный бокал вина и залпом выпил. Дима же без оглядки принялся глушить водку.

Изрядно набравшись, он стянул с шеи ненавистный

ему галстук, расстегнул жилетку и повел по сторонам замутненным взглядом, стремясь поймать в перекрестие прицела исчезнувшую партнершу. Через какое-то время он узрел Ларису, отплясывавшую быстрый танец с каким-то франтом – по внешности южанином.

– А черножопый откуда нарисовался? И-и... – Дима кивнул, – и-и... без моего ведома, – апеллировал он к Замполиту и указал пальцем на скачущего соперника.

– Угомонись, патриот, а то прямо с тусовки в изолятор вернешься, – предупредил Замполит, но Дима его словам не внял.

Нетрезвой походкой он приблизился к оркестрантам и выложил на авансцену извлеченную из кармана смятую десятидолларовую купюру.

– Эй, пацаны! Еще раз про море! – заглушая музыку, крикнул он признавшему его бас-гитаристу, и тот покорно кивнул.

После музыкального заказа Дима, раздвигая танцующих, словно ледокол, пробился к редакторше, поймал ее за руку и бесцеремонно увел из-под носа опешившего франта, состоявшего, как оказалось, в вице-губернаторской свите.

У наблюдавшего за его маневрами Замполита от предчувствия неизбежного скандала засосало под ложечкой. Сначала он хотел было тайком исчезнуть, но, взвесив все за и против, решил вмешаться и предотвратить не сулящую ему ничего хорошего разборку,

«Если этого отморозка заметут, мне тоже вилы. Шустов второй раз не подступится», – прикидывал он в уме и по окончании танца чуть ли не силой оттянул Диму от края политической пропасти.

Выбравшись на улицу и глотнув свежего морозного воздуха, Дима слегка отошел и начал соображать.

– Слушай, Замполит. Тебе эти долбаные дебаты нужны? – закуривая сигарету, спросил он своего будущего оппонента.

– А кто перед редакторшей ффраернул-ся? – огрызнулся тот.

– Э-э-э, – скривился Дима. – Я ее трахнуть хотел, а ты весь кайф обломил, – откровенно признался он.

– Спасибо скажи, что тебя менты с кайфом не трахнули. И меня следом.

– По понятиям ты, конечно, прав, – согласился на глазах трезвеющий Дима. – Может, похерим это кобелиное телевидение? – предложил он. – Ненавижу, когда лишние вопросы задают. Сразу ментовка чудится.

– Электорат обидим. Появиться надо, а вот после... – Замполит вынул из кармана визитку и вслух прочитал адрес студии. – Твоя грядка, ты и суетись. Сам знаешь, за базар отвечать надо, – напомнил он фундаментальные основы бандитской этики. – Если деньги потребуются, я в доле.

– Ладно, – нехотя отозвался Дима. – Тебя где искать?

– На трубу звони.

* * *

В оставшееся до выборов время все кандидаты, окрыленные предложением главы, старались зарекомендовать себя с самой что ни на есть наилучшей стороны.

Памятуя о просьбе Шустова, «холуйские» тихо, без всякой стрельбы, «зачистили» от иноверцев несколько торговых точек, сдали милиции четверых кавказцев, промышлявших в их владениях квартирными кражами, и по инициативе своего советника-кавторанга провели спортивно-патриотический марафон с призовым фондом в пятьсот долларов США.

Не отставали от них и «рыльские», которым, преодолев массированное сопротивление чиновников, удалось вырвать зарплату для коллективов трамвайно-троллейбусного парка и туберкулезного диспансера, а также принять законченные реставрационные работы фасада бывшего летнего дворца князя Потемкина.

В назначенный день их лидер, получивший от Димы обнадеживающее известие, в приподнятом настроении отправился в студию.

Изрядно покружив в темноте новостроек, Замполит

выехал к огороженному металлической сеткой двухэтажному строению, на стене которого в свете фар разобрал табличку с нужным адресом.

Припарковав машину, он двинулся вдоль забора в надежде отыскать проход и наткнулся на поджидавших его редакторшу и Диму Холуйского.

– Кажется, все в сборе, – обрадовалась Лариса.

– Что за мрачное сооружение, тюрьму напоминает? – спросил у нее Замполит и указал на здание.

– Ясли-сад. Мы у них помещение арендуем, – объяснила та и по извилистой тропке повела их к служебному входу.

– Все ништяк, техника обработали. С тебя триста, – тихо, чтобы не слышала идущая впереди провожатая, сказал Дима, и Замполит незаметно сунул ему три сто-долларовые бумажки.

Оказавшись внутри и поднявшись по лесенке, гости миновали ряды шкафчиков с изображенными на них куклами, мишками и зайчиками и очутились в переоборудованной под студию детсадовской группе.

– Раздевайтесь, – предложила Лариса и указала на прибитую возле самой двери вешалку, – и, как говорится, к барьеру. До начала трансляции семь минут, – взглянув на часы, предупредила она.

Авторитеты скинули с себя верхнюю одежду и прошли к огромному полукруглому столу, украшенному тремя гранеными стаканами и бутылкой минералки.

Лариса, сменившая по случаю эфира свитер на строгий, мужского покроя пиджак, по-хозяйски расселась во главе, посадив по правую от себя руку Замполита-Пискарева, а по левую – лидера объединения «За русское братство» Диму Холуйского.

– Вы у нас как бы рыночник, а вы национал-патриот, – пояснила она незнакомым с подобными тонкостями гостям и машинально спросила: – Камеры никто из вас не боится?

И по тому, как вздрогнули, а затем молча пожали плечами участники встречи, стало ясно, что вопрос застал их врасплох:

Из соседней кладовки, где размещалась аппаратная, появился немолодой оператор, щелкнул тумблером нацеленной на стол телекамеры и принялся смотреть в окуляр.

Внимательно наблюдавший за его действиями Замполит заерзал на стуле и за спиной ведущей ткнул в плечо лидера противоположного крыла, однако Дима жестом его успокоил.

Пока бандитские авторитеты готовились к первому в своей жизни телевизионному выступлению, майор милиции Субботин сидел за кухонным столом и доедал разогретые женой Ольгой котлеты.

В связи с предстоящими через два дня выборами милиция перешла на усиленный режим работы, и Субботин, возвращаясь в отдел с автозаправочной стан-

ции, ставшей объектом очередного разбойного нападения, заскочил домой перекусить.

Насытившись, он налил себе чай и принялся грызть высыпанные в тарелку сушки. Жена его продолжала стирать в ванной, а дочка готовила уроки.

Пользуясь минутами отдыха, Субботин нажал кнопку на пульте управления, и стоявший на холодильнике небольшой «Рекорд» засветился поблекшими с годами красками.

Он пробежался по каналам и на одном из них на фоне огромного транспаранта с надписью «Навстречу выборам» наткнулся на знакомые ему до боли лица Димы и Замполита.

– Сегодня по вашим многочисленным просьбам и в преддверии общегородских выборов мы пригласили в студию лидеров двух конкурирующих избирательных объединений – Антона Борисовича Пискарева и Дмитрия Кузьмича Клинина, – заговорила с экрана дикторша. – В течение полутора часов они поделятся своими планами по улучшению жизни в районе и ответят на ваши звонки. Номер контактного телефона вы видите на своих экранах.

Действительно, на экране появились цифры, и Субботин записал их на оказавшейся под рукой пачке сигарет. Выдержав секундную паузу, ведущая продолжила:

– Кстати, позавчера оба наших гостя были награжде-

ны главой районной администрации Шустовым почетными грамотами. А сейчас пред...

Что должно было произойти «сейчас», зрители так и не узнали, поскольку изображение исчезло и на экране появилась черно-белая рябь.

Субботин не спеша допил чай, выкурил пару сигарет, но ожидаемая им картинка так и не появилась.

В студии тем временем полным ходом шли ремонтно-восстановительные работы, и «заряженный» бра-твой техник сосредоточенно перебирал внутренности трансляционного усилителя. Сама же Лариса не переставала извиняться перед гостями, но те вовсе не переживали о случившемся и были к ней снисходительны.

Наконец минут через двадцать техник, отработавший полученные «бабки», огласил приговор.

– Микросхема полетела, КТ829Б, – доложил он Ларисе, – а запасной такой нет.

– Ой, что же теперь делать?! – спрятав лицо в ладо-ни, воскликнула Лариса и впервые обнаружила в себе настоящую женщину.

– А ничего не сделаешь. Завтра новую куплю, – спо-койно объяснил тот, устанавливая на место заднюю крышку усилителя.

Лариса была на грани нервного срыва и едва не пла-кала, но Дима великодушно взвалил ей на плечо тяже-лую мужскую руку.

– Ну чего ты, в натуре, хлюпаешь? Щас в кабак поедем, оттянемся, и зарасти оно все... «Прощай, любимый город...» – запел он с тем, чтобы отвлечь Ларису. – А зрители твои еще нас увидят, отвечаю.

ГЛАВА 9

В последнюю субботу ноября, ровно за день до голосования, прекратилась бушевавшая два месяца избирательная война, город на сутки притих, а петербуржцы, привыкшие к регулярным дозам будоражащей со-знание информации, ощутили некую неудовлетворенность.

Вечером крупными хлопьями повалил первый снег, быстро скрывший под толстым слоем городской мусор и грязь, культурная столица отечества просветлела и перестала выглядеть мрачной и убогой.

А ночью ударил мороз, и к утру столбик термометра опустился до минус двенадцати, но и это нисколько не взволновало членов городской избирательной комиссии. Будь выборы рангом повыше, тогда стоило беспокоиться и молить Всевышнего о ниспослании подходящей для свободного волеизъявления граждан погоды, ведь, как показывает наш десятилетний избирательный опыт, именно погода является главным врагом неустоявшейся российской демократии. Поэтому-то для ее поддержания во время летних волеизъявлений необходимы облачность и прохлада, а зимой – безветрие и тепло.

В данном же случае процент явки горожан к урнам не

играл ровным счетом никакой роли и не мог повлиять на итоговый результат.

За час до начала голосования Субботин собрал в кабинете пятерых офицеров, призванных, по замыслу устроителей, служить на участках гарантами законности и правопорядка, и сверил их внешний вид с общепринятыми милицейскими стандартами.

После его напутственных слов те разошлись по объектам, а Субботин вернулся к так и не завершённому плану работы, копию которого настойчиво требовали из управления.

Зная о досрочном освобождении авторитетов и общем настроении масс, Субботин уже ни на что хорошее не надеялся и со здоровым пессимизмом смотрел в свое будущее.

Его раздумья о корнях районной коррупции нарушил заглянувший в кабинет Ковалев, также бодрствующий с раннего утра со всем своим немногочисленным оперсоставом.

– Николаич, а ведь я его, кажется, вычислил, – буднично, без лишних эмоций доложил он начальнику, и тот вопросительно посмотрел на зама. – Того гада, что профессора выпустил, – пояснил Ковалев и, усевшись возле стола, продолжил: – Как только ты о нем рассказал, я сразу оперов озадачил, а они у всех «рыльских» биографии проверили. И что ты думаешь? Константин Ивлев, он же Швед, прописан с нашим профессором

в одном доме, а родители его до сих пор на Турбинке живут. Чувствуешь, откуда ноги растут?

В глазах Субботина на секунду зажглись крохотные искорки, но тут же, так и не разгоревшись, потухли.

– Молодец, конечно, – скорее автоматически похвалил он, – только что толку. Вознесенский молчит, а Шведа сейчас разве что инквизиция расколет. Да и профессора, если Шведа дернем, подставим под удар. Ты знаешь, Игорь, – Субботин на секунду умолк, прикуривая от зажигалки, – я, видимо, отсюда переvedусь, в крайнем случае на «гражданку» уйду. Не смогу я в районе работать, – с горечью признался он.

– Понимаю, – нахмурившись, сказал заместитель. – Вместе уйдем.

Промучившись до часу дня с планом, Субботин решил отвлечься и проехать по разбросанным на своей территории участкам.

На первом же из них его поразило большое скопление народа, что для выборов в местные образования являлось крайней редкостью. Однако и в зале для голосования, и в коридорах, и на лестнице царила такая гнетущая тишина, что все действие скорее походило не на главную демократическую церемонию, а на траурную панихиду. словно какое-то общее и многими до конца не осознанное чувство вины давило на людей помимо привычного атмосферного столба.

Вновь прибывавшие молча получали из рук персо-

нала бюллетени и сразу же скрывались в кабинах, где тайно выражали симпатии с помощью галочек и крестиков.

К урне же все подходили со склоненными головами, как к гробу с покойником, опускали свернутые листы и, словно совершив на глазах у окружающих неблаговидный поступок, без оглядки покидали участок.

Лишь в коридоре, возле стенда с фотографиями братвы, Субботин расслышал шепот немолодой, бедновато одетой женщины, наставлявшей свою слабо «подкованную» спутницу: «Говорю тебе, голосуй за „братство". Они моему зятю четыре тыщи вернули».

«А еще утверждают, что народ всегда прав», – с грустью подумал Субботин, и обида с новой силой закотала в груди майора. Ему вдруг захотелось вернуться в зал, выйти на середину и взорвать криком эту пугающую тишину: «Что вы делаете?! Опомнитесь! Вы же на собственных шеях петлю затягиваете!» Но табличка с предостерегающей надписью «В день выборов любая агитация запрещена законом» остудила этот бессмысленный порыв и выгнала Субботина на заснеженную улицу.

Такая же удручающая картина ожидала Субботина и на следующем участке, а на третьем, расположенном в здании школы, произошла непредвиденная встреча.

Медленно подъезжая к школе, он увидел на крыльце окруженного кучкой избирателей Замполита. Тот тоже

заметил сидевшего в машине майора и издали наградил его торжествующей улыбкой.

Еще ранним утром Замполит спровадил свое истосковавшееся по шумным пиршествам воинство в курортный поселок Комарово, где «рыльские» имели свой дом, и приказал находиться там и до оглашения результатов не высовываться. Туда же в огромном количестве повезли водку и закуску, чтобы подальше от людских глаз за частоколом сосен разговеть измученную «сухим законом» братву и сообща, всем коллективом, обмыть оплаченную кровью победу. Их лидер был единственным, кто позволил себе в этот день задержаться в городе.

Выспавшись и калорийно позавтракав, Замполит около полудня уселся в новенький джип, недавно приобретенный на общаковские деньги, и выехал в инспекционную поездку по участкам. В отличие от Субботина увиденное на них его не разочаровало, и он похвалил братву за грамотную реализацию предвыборных технологий.

Все шло как надо, и лидер объединения «За рынок» пребывал в приподнятом настроении. Он уже не сомневался в конечном успехе и хотел было отправиться к поджидавшей его Марине, а от нее в Комарова, но тут, как назло, объявился этот ненавистный майор.

Субботин, судя по всему, не спешил покидать «Жигули» и, откинувшись на сиденье, наблюдал за степенно

спускавшимся по лестнице бандитским авторитетом. Наконец тот достиг тротуара, распрощался с поклонниками и проследовал к стоявшему чуть впереди джипу.

Желая посильнее уязвить майора и продемонстрировать ему свое нынешнее превосходство, Замполит не стал суетиться, а извлек из салона сметку и принялся неторопливо очищать кузов.

От столь явного пренебрежения у Субботина свело скулы. Не в силах более себя сдерживать, он распахнул дверцу, выбрался наружу и решительно шагнул к своему врагу.

– Гражданин, предъявите паспорт, – сухо потребовал он.

– Ты что, Субботин, заработался? Не узнаешь? – не прекращая своего занятия, бросил через плечо Замполит.

– Не узнаю.

– Тогда сходи на участок и погляди. Там все стены моими портретами увешаны, – уже несколько раздраженно посоветовал будущий народный избранник.

– Некогда ходить. Документы, пожалуйста, – продолжал настаивать майор.

Не желая ввязываться в дискуссию и портить себе настроение, Замполит отложил сметку, порылся в карманах и, не найдя паспорт, протянул кандидатское удостоверение.

– Это не годится. Нужен паспорт, – действуя как самый дубовый постовой, упорно твердил Субботин. – Если паспорта нет, придется для установления личности в отдел проехать. Уж больно вы на одного преступника похожи.

Тут Замполит не выдержал.

– Никуда я не поеду! Сам скоро ко мне прибежишь! – задыхаясь от возмущения, возопил он.

– Значит, отказываетесь или, говоря языком закона, оказываете неповиновение, – не обращая внимания на его гаев, гнул свое Субботин. – Хорошо.

– Иди ты к черту, – зло прошипел Замполит, и майор, явно провоцируя соперника, ухватил его за рукав пальто, однако тот попытался вырваться.

Наблюдавший за ними милицейский водитель выскочил из машины и, расстегивая на ходу кобуру, поспешил на помощь начальнику. Молниеносно прикинув в уме, что все последующее за этим обернется не в его пользу, Замполит тут же остепенился и перестал дергаться.

– Ладно, поехали. Только ты об этом пожалеешь, – предупредил он Субботина и полез в джип.

Субботин устроился за его спиной на заднем сиденье, и так, сопровождаемые «жигуленком», они через несколько минут подъехали к отделу.

Мимо своих опешивших подчиненных Субботин повел задержанного в кабинет, на ходу обдумывая даль-

нейшие практические шаги. А плана по-прежнему не существовало. Была лишь злость и глубочайшая обида. За себя и своих близких, за профессора Вознесенского, за оплеванную милицию и всех тех людей, кого не обманула кургузая овечья шкура, наспех наброшенная бандитами.

Едва переступив порог кабинета, Замполит по-хозяйски скинул с себя пальто и плюхнулся в стоявшее возле окна кресло. Субботин, ни слова не говоря, прошел к столу и вынул из ящика лист бумаги.

– Фамилия, имя, отчество? – усаживаясь, спросил он задержанного.

– Слушай, Субботин, хватит комедию ломать. Чего ты хочешь? – поинтересовался Замполит.

– Фамилия, имя, отчество? – повысив голос, жестко повторил Субботин, и Замполит почувствовал исходящее от него сильное электромагнитное излучение.

– Ну, Пискарев Антон Борисович, – пошел он на пятую и принялся нехотя вспоминать анкетные данные.

Субботин зачитал данные дежурному и распорядился проверить задержанного по компьютерной базе.

– Дальше что? – с вызовом спросил Замполит.

– Дальше отправитесь в камеру, завтра утром в суд, а потом на Захарьевскую на пятнадцать суток. С судьей я договарюсь, – огорошил его выбравший промежуточное решение Субботин.

– Ты что – рехнулся?! За что?! – вскочив, во все горло заорал взбешенный авторитет, так, что потревоженный его криком в кабинет начальника заглянул болтавшийся в коридоре опер.

– За неповиновение сотруднику милиции. То есть мне. Рапорт я напишу, протокол составят в дежурке. Ферштейн? – стараясь казаться невозмутимым, пояснил Субботин.

– Да меня сегодня в депутаты выберут! Ты что, не врубаешься?!

– Пока не выбрали, вы есть рядовой гражданин. Со всеми вытекающими последствиями.

Пламенея от ярости, Замполит выхватил из кармана мобильник и принялся лихорадочно давить на кнопки, приговаривая: «Погоди. Шустов тебе устроит вытекающие последствия».

Услышавший фамилию главы Субботин подлетел к нему коршуном, саданул ребром ладони по руке, сжимавшей трубку, а следом въехал кулаком в солнечное сплетение, отчего Замполит кулем повалился в кресло.

– Ты что ж, гаденыш, без разрешения названиваешь, – поднимая телефон с пола, промолвил дрожащий от гнева Субботин. – А то, что вас Шустов пригрел, так мне плевать. Ему это еще аукнется. Понял ты, ублюдок?

Субботин вернулся к столу, кинул телефон в ящик и

вызвал милиционера, препроводившего Замполита в камеру.

Оставшись в одиночестве, он принялся составлять рапорт, однако вскоре его оторвал от дела звонок Булкина. Тот, судя по всему, пребывал не в лучшем расположении духа и мучился ожиданиями.

– Как там у вас, Георгий Николаевич? – с надеждой в голосе поинтересовался полковник.

– Как положено. Народ валом валит, – раздраженно ответил Субботин, помалкивая о задержании Замполита. – Теперь весь вопрос – кто сколько мандатов отхватит.

– Смутные времена, – тяжело вздохнув, заключил Булкин. – Лет пятнадцать назад такое бы и во сне не приснилось, – припомнил он славное доперестроечное прошлое и, пожелав майору терпения, оборвал неприятный для себя разговор.

«Что точно, то точно. Мутные времена. Здесь он прав, – мысленно согласился Субботин, твердо стоявший все эти годы на демократической платформе. – Конечно, раньше было спокойнее. Пришел, выбрал из одного кандидата, и никаких тебе проблем. А уж мозгото как отдыхал, – с сарказмом подумал он. – Стройными рядами, с песнями и плясками... Ать-два, ать-два. Теперь же от обилия заступников растерялись люди, а думать не привыкли. Этим разная шваль и пользуется».

Субботину вспомнились притихшие избирательные участки, портреты кандидатов, таблички с запрещающими надписями, и внезапно его осенило. Он позвал Ковалева.

– Ну ты даешь, – выслушав его идею, изумился зам. – Это ж надо до такого додуматься

– Не переживай, всю ответственность беру на себя. Главное, чтобы народ не дрогнул.

– Я, если ты помнишь, тоже ответственности не боюсь, – обиделся Ковалев. – Только что это даст? Через пару месяцев повторные назначат.

– За два месяца, Игорь, в нашей стране та-а-кое может приключиться. Сам знаешь. А потом пойми, не в силах я всем этим безучастно любоваться, – признался Субботин.

– Убедил. Давай команду, – дал согласие Ковалев.

Заручившись поддержкой проверенного годами совместной работы товарища, Субботин взвалил на него часть работы, а сам не мешкая отправился на Турбинную, 5.

В квартире Вознесенских, где он появился через десять минут, стоял густой запах валерианы. Профессор с отрешенным видом лежал на диване, а открывшая ему дверь Анна Сергеевна под присмотром котов лежала на кухне пельмени.

– Что же вы, Степан Яковлевич, слово свое не держите? – заглянув в комнату, бодрым голосом спросил

у него Субботин.

– Какое слово? – едва повернув голову, тихо отозвался профессор.

– Как же? Помнится, обещали агитировать без сна и отдыха, а сами прохлаждаетесь.

– Какая уж тут, Георгий Николаевич, агитация, – вяло взмахнул рукой напичканный лекарствами Вознесенский.

– Самая что ни на есть настоящая. Только не «против», а «за».

Майор изложил хозяевам суть своего шального, но единственно возможного на данный момент плана, и те оживились, а профессор даже спустил с дивана ноги.

– Сейчас же по соседям пойду, – заспешила Анна Сергеевна, готовая к дальнейшим активным действиям. – Уверена, что никто не откажет. Тем более вам, Георгий Николаевич. Кроме того, все о похищении мужа знают.

– Боюсь, одними соседями не обойтись, – засомневался Субботин. – Хорошо бы еще кого-то подключить. Может, друзей или родственников.

– Не волнуйтесь. Всех поднимем, – успокоила его Вознесенская. – Слава Богу, не на чужбине живем.

Накинув на себя вязаный шерстяной жакет, она решительно двинулась в народ, а приободренный Субботин вернулся на базу, где Ковалев продолжал обзва-

нивать начальников районных отделов.

– Как раз и Николаич подъехал. Привет передает, – увидев входящего в кабинет шефа, сообщил он в трубку. – Значит, договорились. Все. Желаю удачи, – распрощался он с собеседником и стал объяснять: – С Дроздовым говорил. Готов помочь. Остальные тоже поддержали.

Обрадовавшись единомыслию коллег, Субботин, не тратя времени, созвал подчиненных, поделился с ними замыслом и попросил о содействии.

– Свяжитесь со своими близкими, пусть помогут. Только имейте в виду, это не приказ, а просьба, – объяснил он. – Поэтому никого не принуждаю, все на добровольной основе.

После собрания Анна Сергеевна Вознесенская доложила ему о стопроцентной готовности жильцов, и Субботин, продиктовав ей адреса участков, выслал за первой партией активистов «Жигули» и дежурный «уазик».

В результате такого массированного наступления уже к шести вечера возле каждого из районных избирательных участков разместились общественные агитаторы. Часть их, потрясая тут же намалеванными на ватмане лозунгами, принялась рекламировать «рыльских» рыночников, другая же, не жалея голосовых связок, славить «холуйских» патриотов.

Со временем малочисленные агитбригады, насчи-

тывавшие вначале по два-три человека, пополнились подъехавшими друзьями и родственниками зачинателей. За стенами участков сделалось шумно и, можно даже сказать, весело. Чтобы не околеть на крепчавшем к ночи морозе, «сторонники» обоих объединений, приплясывая на снегу, соперничали между собой в лужености глоток и политическом остроумии, а взятые ими из дома горячие и горячительные напитки только усиливали их активность.

На один из участков без усталости колесившие по району Субботин и Ковалев привезли своих жен, и те наравне со всеми включились в антикоррупционную деятельность. На другом – взошедший на крыльцо профессор Вознесенский, словно с институтской кафедры, вдохновенно читал слушателям написанную им для «рыльских» программу. А где-то и вовсе зазывали, что называется, с музыкой. Чей-то слегка подвыпивший родственник прихватил из дома старенькую гармонь и теперь распевал сложенную на ходу незамысловатую агитку:

Голосуйте все за «рыльцев»,
Наших будущих кормильцев,
А от этих «холуют»
Не дождемся ни... чего.

Опа-опа, пусть жмотится Европа,

А я свезу в Анталию
Жену свою Наталию.

Ему, невзирая на «политические пристрастия», дружно подпевали и аплодировали все собравшиеся у входа.

Редкие к тому времени избиратели с недоумением поглядывали на раскрасневшихся от мороза людей, шумевших рядом с участками. Естественно, что все это не осталось без внимания и членов избирательных комиссий. Те, полагаясь вначале на разум возмутителей спокойствия, рекомендовали им прекратить запрещенную деятельность, свернуть плакаты и мирно разойтись по домам. Однако ни их настоятельные требования, ни цитирование соответствующего закона, ни последующие угрозы о снятии проштрафившихся кандидатов не подействовали. Тогда встревоженные официальные лица попытались натравить на них дежуривших офицеров, но те наотрез отказались вмешиваться в избирательный процесс.

– Это ваша забота, а наше дело за порядком следить, – предупрежденные своим руководством, отговаривались милиционеры.

– Так ведь грубейшее нарушение закона. Придется результаты аннулировать, – запаниковали организаторы выборов.

– А при чем здесь милиция? – удивлялись сотрудни-

ки и ограждали агитаторов от нападков некоторых невыдержанных избирателей.

Поступавшая в избирком тревожная информация докатилась и до главы администрации Станислава Викторовича Шустова. Тот изрядно переполошился и, захватив с собой Булкина, помчался восстанавливать конституционный порядок, но и его появление на участках не смутило манифестантов.

– Вы лучше к нам присоединяйтесь, – язвительно предложила ему Анна Сергеевна, до того на все лады расхваливавшая «рыльских» кандидатов. – Вы ведь, насколько я знаю, тоже рыночник?

Не ответив на ее колкость, глава администрации отвел в сторону Булкина и распорядился нейтрализовать горлопанов, однако повеселевший полковник вовсе не собирался пилить под собой сук, а потому пустился в пространные объяснения:

– Станислав Викторович, но это не наша компетенция. За подобные нарушения даже санкции не предусмотрены.

Шустов не стал выслушивать до конца его рассуждения, махнул на Булкина рукой и направился к машине. Усевшись на сиденье, он достал радиотелефон и стал связываться с дружественными ему авторитетами, но те, как назло, не отвечали.

«Жаль, – подумал раздосадованный неудачей Шустов. – Эти бы быстро порядок навели. Без всяких санк-

ций».

Утратив последнюю надежду, Станислав Викторович смирился с неизбежностью повторных выборов и, не дожидаясь маячившего в темноте Булкина, скомандовал шоферу трогаться.

ГЛАВА 10

В десять вечера, едва захлопнулись двери избирательных участков, промерзшие, но довольные собой защитники местного самоуправления поспешили к домашним очагам, а их идейные вдохновители Субботин и Ковалев вернулись в отдел.

– Теперь твоя душа успокоилась? – поинтересовался Ковалев у разливавшего свежесваренный чай начальника,

– Не совсем, – признался тот. – Видел, как Шустов суетился?

– Еще бы. Только здесь у него руки короткие. А вот братки... – Ковалев отхлебнул из бокала. – Надо как-то людей обезопасить, а то начнут с ними счета сводить.

К концу суток Субботин распустил уставших от дневной суматохи подчиненных, а сам во главе дежурного наряда остался до утра.

Неожиданно около часа ночи зазвонила оставленная в столе телефонная трубка Замполита, Георгий Николаевич вытащил ее и прижал к уху.

– Замполит?! – выкрикнул оттуда пьяный мужской голос.

– Ну, – буркнул в ответ майор.

– Это я, Тайсон! Ты где там, в натуре, завис?! У бабы,

что ли?! – со смехом поллюбопытствовал собеседник, однако Субботин промолчал.

– Когда будешь? – вновь после короткой паузы спросил Тайсон.

– Скоро, – прикрыв микрофон ладонью, пообещал майор, и его краткий ответ, по-видимому, удовлетворил контрразведчика.

– Приказ твой выполнили. На даче все заложено. Холуятам п...ец, – радостно отрапортовал он. – Через три часа как... – Тайсон пьяно гоготнул, – и от них только сопли останутся. Скорей приезжай, а то мы уже всю...

Субботин обо всем догадался. Теперь требовалось только вытянуть из «рыльского» отморозка побольше информации, но того, как назло, кто-то окликнул.

– Наливайте! Иду! – весело отозвался Тайсон и вырубил связь.

После обрушившихся на Субботина откровений его обуяли весьма сложные и противоречивые чувства. «Как быть? Попытаться предотвратить взрыв или сделать вид, что ничего не произошло?» – мучился он гамлетовским вопросом и никак не решался ответить. Уж очень велик был соблазн отплатить «холуйским». Разом за все.

И все-таки, несмотря на сильнейшее искушение, Субботин не смог себя переломить и остаться безучастным к готовившемуся убийству.

Первым делом он позвонил на трубку Диме Холуйскому, но его вежливо проинформировали, что номер абонента выключен. Оставался Замполит, несомненно знавший о местонахождении обеих группировок.

Субботин спустился в дежурную часть и отворил камеру, где, свернувшись на разложенном поверх дощатого помоста пальто, дремал Замполит при свете зарешеченной лампочки.

Потревоженный лязгом запоров, он проснулся, перевернулся на спину, а при виде Субботина поднялся и сел. Былой лоск его от лежания на досках заметно поблек, но глаза по-прежнему светились ненавистью к заявившемуся майору.

Тот как ни в чем не бывало присел на край помоста и миролюбиво заговорил:

– Напрасно ты, Антон, злишься. Сам меня довел, а еще жаловаться собрался. Думаешь, мне хочется с Шустовым ссориться?

Субботин вынул из кармана пачку сигарет и любезно протянул ее Замполиту, но тот презрительно фыркнул.

– Тебя, наверное, друзья на банкете заждались? Телефон весь вечер трезвонит, – не обращая внимания на его реакцию, сообщил Субботин. – Если не секрет, где празднуете? – поинтересовался он.

– У них спроси, – огрызнулся Замполит, явно не желавший налаживать отношения.

– Ну вот, опять грубишь, – разочарованно сказал

Субботин. – А я, если честно, хотел с тобой прокатиться, выпить за ваш успех граммов по сто. Нам же теперь вместе работать.

Однако Замполита, жившего с момента задержания лишь предвкушением мести, не сбили с толку его слова, и он не проглотил брошенный майором крючок.

– Ты лучше за свое здоровье выпей, а мне и здесь хорошо, – посоветовал он и демонстративно откинулся на спину.

Субботин пытался его разговорить и, потеряв всякую надежду, выложил о звонке Тайсона. Это известие вновь подкинуло Замполита с «постели».

– Только не надо на меня мокруху вешать! – заорал он и, словно в плохом детективе, потребовал прокурора, но Субботин пропустил мимо ушей его требование и, ни слова не говоря, покинул камеру.

«Все, что мог, я сделал, а других вариантов нет», – убедил он себя и вернулся в кабинет, где, отключив замполитовский мобильник, прикорнул на диване.

Через полчаса его поднял на ноги звонок дежурного.

– Георгий Николаевич, тут у меня какой-то мужчина на проводе, вас спрашивает, – доложил тот. – Переключить?

– Давай, – согласился Субботин, и дежурный щелкнул на пульте тумблером.

– Георгий Николаевич? – уточнил у Субботина незнакомец.

– Да. А вы кто?

– Доброжелатель, – усмехнувшись, на звался звонивший, но Субботин узнал по голосу Диму Холуйского и переспросил:

– Дима, ты?

– Я же сказал, доброжелатель, – повторил собеседник, – Сообщаю, что все «рыльские» бандиты находятся на даче в Комарове. Поэтическая улица, дом 40. Они там заложника держат.

Субботин ощутил хорошо знакомое каждому сыщику состояние азарта и от нетерпения заерзал на стуле.

– Сколько их? – быстро уточнил он.

– Человек восемьдесят, но все «нарытые» в умат, – объяснил Дима и с ухмылкой напутствовал: – Так что дерзайте, может, медалями наградят.

Субботин уже готов был предупредить его о грозившей опасности, но последние слова и, главное, тон задели майора за живое, и он, подавив в себе возникшее желание, промолчал...

А через сорок минут, щелкая оружейными затворами и надевая бронежилеты, в кабинетах угрозыска возбужденно галдели вызванные из дома опера, готовившиеся под патронажем Ковалева к марш-броску на Карельский перешеек.

Субботин к тому времени успел связаться с дежурным по ОМОНу, обрисовать ему ситуацию и заручиться силовой поддержкой. Свое же руководство во избе-

жание лишних недоразумений он беспокоить поостерегся.

Около четырех ночи две заполненные операми машины остановились за Троицким мостом, напротив памятника «Стерегающему». Там их дожидались автобус с сорока омоновцами и предназначенный для перевозки заключенных огромный фургон.

Субботин выбрался из «Жигулей», а с подножки автобуса прыгнул к нему коренастый, невысокого роста капитан в вязаной шапочке и зимней камуфляжной куртке. Вдвоем они перекурили на морозном воздухе, согласовали дальнейший маршрут, и ведомая Субботиным колонна покатила по освещенным полной луной безлюдным улицам.

Через час, не доезжая до указателя «Комарово», машины затормозили у железнодорожного переезда, и дремавший всю дорогу Ковалев направился к будке стрелочника. «На недельку до второго я уеду в Комарове...» – шутливо пропел ему вслед один из оперов – Толик Филимонов, – и это оживило молчавших всю дорогу пассажиров «уазика».

Ковалев вернулся, объяснил куда двигаться, и колонна медленно вползла в пределы курортного поселка, бывшего некогда источником вдохновения для нескольких поколений творческой интеллигенции. «Со вкусом местечко выбрали, – разглядывая в окошко еще хранившие былую роскошь двухэтажные дачи, по-

думал Субботин о „рыльской" братве. – К культуре, словочи, приобщаются».

Покружив между запорошенных снегом участков, автомашины остановились вблизи Поэтической улицы. Далее следовало идти пешком.

Засидевшиеся без движения омоновцы высыпали из автобуса и принялись энергично разминаться, а по возвращении разведчиков, наткнувшихся метров через двести на «рыльский» дом, вытянулись в цепочку и, поддерживаемые субботинскими операми, под прикрытием заборов приблизились к бандитскому логову.

Их взорам предстал огромный двухэтажный особняк с балконом и двумя застекленными верандами, окруженный металлической оградой, высоченными соснами и дюжиной «рыльских» иномарок. Свет в окнах отсутствовал, и лишь на меньшей из веранд тускло горела лампочка.

– Охрана, наверное, – шепнул Субботин капитану. – Надо бы ее снять по-тихому, меньше беготни будет. А там, видимо, баня, – указал он на строение в глубине участка. Из трубы вился легкий дымок.

Капитан согласно кивнул и, повернувшись к своим парням, показал им расстопыренную пятерню. Тут же по его знаку первая пятерка отделилась от головы войска и обступила командира.

Получив от него указания, бойцы ловко перемахнули через ограду и подкрались к освещенной веранде.

Старший группы осторожно заглянул внутрь и от удивления еле слышно присвистнул. Высунув на крыльцо ногу в огромном валенке, один из «рыльских» караульных растянулся прямо на полу веранды среди тарелок с объедками и пустых бутылок. Второй, облаченный, как и первый, в тулуп и валенки, сочно храпел, развалившись в шезлонге.

– За порог, бедняга, запнулся, – улыбнувшись, тихо сказал старший. – Пусть пока дрыхнут.

Оставив до поры до времени безобидную охрану, омоновцы скрытно переметнулись к бане, где через маленькое оконце им открылась еще более живописная композиция из множества свежeweмытых тел, опорожненных бутылок и березовых веников.

После полученной от разведчиков информации капитан подал команду, и участники операции вторглись в частные «рыльские» владения, окружив дом и баню.

Субботин, продвигаясь вместе со всеми, чуть было не вступил в лужу подмерзшей блевотины, окропившей снег вблизи крыльца разноцветными брызгами. «Депутаты, мать их... Народные избранники», – выругался про себя майор и поднялся по ступеням.

Далее все обстояло до тошноты скучно и однообразно, а потому не доставило радости напрасно разминавшимся омоновцам и уж наверняка не вдохновило бы авторов современных детективов.

Оттащив за ноги заграждавшего проход караульно-

го, бойцы с криками: «Милиция! Всем лежать!» – синхронно, словно на учениях, ворвались внутрь строевых, включили свет и мигом завладели жарко натопленными помещениями. Захваченные врасплох кандидаты и не мыслили подняться по причине сильной алкогольной интоксикации.

Закованные в наручники или же связанные брючными ремнями, «рыльцы» были без особых усилий перенесены в подъехавший к дому фургон и аккуратно сложены в штабеля.

Более или менее ожесточенное сопротивление оказал лишь Тайсон. При внезапном появлении милиции он прикинулся бездыханным, а затем, улучив момент, соскочил с дивана, разбил ногой застекленную дверь и выпрыгнул на улицу, где и попал в объятия субботинских оперов. Те, особо не церемонясь, ткнули его мордой в снег, нацепили наручники и отволокли в машину, а вернувшийся на исходную позицию Филимонов извлек из-под дивана сброшенный контрразведчиком пистолет Макарова и бережно упаковал его в коробку из-под конфет.

Пока ударная часть группы по-хозяйски разбиралась с бандитами, Субботин занялся поисками заложника и скоро обнаружил его в чулане под лестницей, ведущей на второй этаж.

Едва майор, отодвинув засов, распахнул дверь и выхватил заложника из темноты лучом фонарика, как тот,

прикрыв глаза от слепящего света, поднялся с раскладушки и застыл в волнительном ожидании.

Пошарив рукой по стене коридора, Субботин нащупал выключатель и лишь при верхнем свете разглядел пленника.

– Вы?! – воскликнул он от неожиданности, узнав председателя избиркома Вострецова.

Тот тоже признал освободителя и с облегчением выдохнул:

– Я, товарищ майор.

– Вас-то они за что?!

– Все, как на духу, расскажу. Лучше отсижу, сколько положено, – затравленно заскулил Вострецов. – Они ведь меня, когда перепились, чуть не пристрелили. Главный их, тот, что с перебитым носом, за ограду вывел и давай из пистолета палить. Я думал – конец.

Они пристроились на раскладушке, и, пока омоновцы «зачищали» помещения, Вострецов изложил историю своего грехопадения.

– Значит, с вас все и началось, – выслушав его рассказ, с нескрываемым презрением подытожил Субботин.

– Да. И с вашего подполковника тоже, – со слезой в голосе подтвердил председатель. – Я, видит Бог, вначале отказывался.

– Хорошенькое дело. Так почему же вы здесь?

– Разозлились, что «холуйских» без их ведома заре-

гистрировал, – пояснил Вострецов. – Я уж и деньги им все вернул, так нет – мало, «на счетчик поставили». Пришлось неделю назад «восьмерку» вместе с гаражом продать. А теперь требуют, чтобы доверенность на квартиру подписал. Спрашиваю этого главного: «А мне с семьей где жить?» – «Не волнует, – говорит, – не хер было нас кидать». Но тут я уже насмерть встал, вот сегодня утром меня возле парадной и подкараулили.

Слезная исповедь этого зрелого, повидавшего жизнь мужчины не вызвала у Субботина ни грана сочувствия. Лишь брезгливость да еще удовлетворение, что его признание даст возможность загнать братву на нары.

– Сейчас поедем в отдел, и там подробно все напишете. А уж дальше как Фемида распорядится, – безжалостно объявил Субботин, и Вострецов покорно согласился.

– Напишу, куда ж деваться. Они ведь с меня все равно не слезут.

Субботин вывел председателя избиркома на улицу, посадил в «Жигули» и стал дожидаться, пока омоновцы набьют транспорт телами задержанных, которых при окончательном подсчете оказалось аж восемьдесят два.

Наконец груженные под завязку автомашины тронулись в обратный путь и около восьми утра достигли района, где большую часть братвы оставили в медвы-

трезвителе, а остальных раскидали по камерам территориальных отделов.

Вернувшись к себе, Субботин заглянул в дежурку и поинтересовался городскими новостями.

– В Горелове дачный дом взорвался, много жертв, – сообщил дежурный. – Там сейчас следственная группа работает.

«Мэмэнтэ мори – помни о смерти», – промелькнуло в голове Субботина знакомое еще со школы латинское изречение, и он повел Вострецова в кабинет, где около полутора часов фиксировал на бумаге его покаяния.

– Это нам, Игорьь, случай помог, – сказал он заму, после того как Вострецова передали в руки вызванного следователя и они остались вдвоем.

– Не скажи. Если бы ты Замполита не прихватил...

– Да брось ты, – перебил его Субботин и устало махнул рукой. – Случай... и еще кровь, – добавил он, вспоминая свой последний разговор с Димой.

– Это ты о чем?

– Так, к слову пришлось.

Разговор их нарушил влетевший в кабинет Филимонов.

– Знаете, чей это ствол? – положив перед начальством найденный на веранде пистолет, с которого уже сняли отпечатки, загадочно спросил он. – Я его только что по базе данных пробил.

– ???

Для пушного эффекта Толик выдержал паузу.

– Нашего зама по тылу райуправления, – наконец-то разродился он и замер в ожидании реакции, однако ее не последовало. Субботин и Ковалев, уже наслышанные от Вострецова о подполковнике, лишь многозначительно переглянулись.

– Ему два года назад якобы по башке дали в парадной и оружие забрали, – продолжил Толик, так и не дождавшийся от руководства эмоционального всплеска. – В Красносельском районе «глухарь» по разбою висит.

– Считай, ты его раскрыл, – подбодрил Ковалев оперативника. – Можешь их порадовать.

Не успел Толик исчезнуть, как начались телефонные звонки, Дошедшая до главка информация о задержании вызвала интерес, и Субботину пришлось удовлетворять любопытство всех: начиная от начальника угрозыска города и заканчивая оперативниками РУБО-Па. Последним вышел на связь Петр Христофорович Булкин.

– Что ж вы меня в известность не поставили? – обиделся полковник после рассказа одуревшего от пустых разговоров Субботина. – Меня генерал и глава администрации напрягают, а я не в курсе.

– Тревожить вас, Петр Христофорович, не решился, – соврал Субботин.

– Напрасно. О взрыве в Горелове слышали? – спро-

сил Булкин.

– Знаю, но без подробностей.

– Там, судя по всему, почти все «холуйские» погибли. Шестьдесят один труп. У некоторых кандидатские удостоверения нашли, – объяснил Булкин. – Терракт возбуждали.

– Ну и ну, – выдавил из себя Субботин.

– Да, вот ведь как не повезло, – фальшиво вздохнул Булкин и поинтересовался: – Вострецов еще у вас?

– Его следователь допрашивает.

– Хороша Мы к вам через полчаса с Шустовым приедем, – обрадовал Субботина полковник. – Так что встречайте.

«Только вас еще не хватало», – подумал Субботин и приказал отправлять Замполита в суд, после чего дежурный вывел того из камеры и стал поджидать выехавший на заявку «уазик».

Несмотря на свой изнуренный вид, «рыльский» авторитет глядел в будущее с нескрываемым оптимизмом и, развалясь на скамье, рисовал в воображении картины скорой мести ментам. В это время из висевшего на стене репродуктора заговорили об итогах выборов. Замполит отвлекся от приятных размышлений и с интересом прислушался.

Диктор бодрым голосом зачитал результаты по районам, а затем приумолк, выдержал паузу и сменил интонацию: «К сожалению, в Н-ском районе из-за мно-

гочисленных нарушений на участках результаты голосования, по мнению экспертов, будут признаны недействительными, – сообщил он, и ничего не понимающий Замполит насторожился. – ~ Кроме того, выборы в районе были омрачены разыгравшейся ночью трагедией, – продолжал диктор и подробно рассказал о взрыве в Горелове. – В свою очередь представители объединения „За рынок“ были задержаны в поселке Комарово сотрудниками правоохранительных органов по подозрению в похищении ими председателя районного избиркома. По обоим уголовным делам ведется следствие. А теперь о новостях городского бизнеса...» Замполит почувствовал, как заныло сердце, а фигура сидевшего за пультом дежурного поплыла в воздухе.

– Му-да-ки, – простонал он вслух и зажмурил глаза. В ожидании высокого начальства бодрствующий вторые сутки Субботин стоял у входа в отдел, неторопливо курил и щурился от лучей яркого, по-зимнему холодного солнца.

На его глазах милиционеры вывели из дверей Замполита и сопроводили его к «уазику». Замполит приготовился было забраться в машину, но услышал за спиной окрик майора:

– Пискарев!

«Рыльский» авторитет задержался и повернулся на голос.

– Так кто теперь за базар ответит? – без тени улыбки

поинтересовался Субботин.

– Международный валютный фонд, – злобно бросил
Замполит и полез в кузов.